

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 22

2021

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая коммуникация	
<i>Васильев А.А., Шпонпер Д., Печатнова Ю.В.</i> УНИВЕРСИТЕТЫ КАК СУБЪЕКТЫ НАУЧНОГО ПРАВА	5
<i>Казанцева О.Л.</i> ПОРЯДОК ОФИЦИАЛЬНОГО ОПУБЛИКОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК ИСТОЧНИКА РОССИЙСКОГО ПРАВА	13
<i>Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В., Шавандина О.А.</i> О РЕЗУЛЬТАТАХ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ЛУЧШИХ ПРАКТИК ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО, СТУДЕНЧЕСКОГО И АДАПТИВНОГО СПОРТА	18
Юридическая техника	
<i>Головинов А.В., Головинова Ю.В.</i> ПОНЯТИЕ «ПРАВА ЖЕНЩИН» И КОНСТИТУЦИОННАЯ СВОБОДА ТРУДА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ УТОЧНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ	24
<i>Коренная А. А.</i> ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИЙ «НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» И «БАНКРОТСТВО»: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	28
<i>Михайленко Ю.А.</i> ДЕНЕЖНЫЕ ВЫПЛАТЫ В СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПОНЯТИЙ	33
Юридическая герменевтика	
<i>Сорокин В.В.</i> ГЕНЕЗИС ВНУТРЕННИХ УБЕЖДЕНИЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА	38
Речевые правонарушения	
<i>Кирюшина И.В.</i> РЕКЛАМА В ВИДЕОИГРАХ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ	41
Язык права	
<i>Зацепина О.Е.</i> ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ КАК ОСОБЫЕ ПРАВОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ	48

CONTENTS

Legal Communication	
Vasiliev, A., Schopper, D., Pechatnova, Yu. UNIVERSITIES AS SUBJECTS OF SCIENTIFIC LAW	5
Kazantseva, O. THE PROCEDURE FOR THE OFFICIAL PUBLISHING OF REGULATORY LEGAL ACTS AS A SOURCE OF RUSSIAN LAW	13
Kovalenko, E. , Tydykova, N., Shavandina, O. ON THE RESULTS OF THE EXPERTISE OF NORMATIVE ACTS OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES TO IDENTIFY THE BEST PRACTICES OF LEGAL REGULATION OF CHILDREN AND YOUTH, STUDENT AND ADAPTIVE SPORTS	18
Legal Techniques	
Golovinov, A., Golovinova, Yu. THE CONCEPT OF "WOMEN'S RIGHTS" AND CONSTITUTIONAL FREEDOM OF LABOR: TERMINOLOGY CLARIFICATIONS AND IMPLEMENTATION PROBLEMS	24
Korennaya, A. TERMINOLOGY ANALYSIS OF THE CATEGORIES "INSOLVENCY" AND "BANKRUPTCY": CRIMINAL LAW ASPECT	28
Mikhailenko, Yu. CASH BENEFITS IN SOCIAL WELFARE: TRANSFORMATION OF LEGISLATION AND SCIENTIFIC APPROACHES TO THE DEFINITION OF EMPLOYED CONCEPTS	33
Legal hermeneutics	
Sorokin, V. THE GENESIS OF THE INTERNAL CONVICTIONS OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER IN THE PROCESS OF INTERPRETING THE NORMS OF LAW	38
Speech Offenses	
Kiryshina, I. ADVERTISING IN VIDEO GAMES: LEGAL QUALIFICATIONS	41
Language of Law	
Zatsepina, O. PRESUMPTIONS AND FICTIONS AS SPECIAL LEGAL PHENOMENA	48

Университеты как субъекты научного права¹

А.А. Васильев¹, Д. Шпоппер², Ю.В. Печатнова³

^{1,3}*Алтайский государственный университет*

Пр. Социалистический, 68, 656049, г. Барнаул, E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru; ²jp_0707@mail.ru

²*Поморская Академия*

ул. Арцишевского, 22А, г. Слупск, Польша, E-mail: ²dar.szpoper@gmail.com

В статье анализируются правовые проблемы интеграции науки и образования, предлагается оценка различных организационных форм интеграции науки и высшего образования, использовавшихся в российском законодательстве в течение последних 30 лет. Изучаются основные положения, этапы внедрения и результаты реализации различных научно-образовательных государственных программ, приводятся статистические данные, подчеркивающие увеличение объема выполняемой научной деятельности в образовательных организациях (высших учебных заведениях). Авторы исследуют статус образовательных организаций как субъектов научного права, подчеркивают несовершенство российского образовательного законодательства относительно разграничения образовательных организаций высшего образования и научных организаций. В статье делается акцент на исследовании позитивных и негативных последствий введения новой категории высших учебных заведений – опорных университетов. Проанализировав проблемы правового регулирования опорных университетов, авторы приходят к выводу о том, что логическим завершением реформы опорных университетов может стать установление статуса опорных университетов в законодательстве об образовании и четкое разделение опорных и федеральных университетов.

Ключевые слова: образовательная организация, научная организация, университет, опорный университет, научное право.

Universities as Subjects of Scientific Law

A.A. Vasiliev¹, D. Schopper², Yu. V. Pechatnova³

^{1,3}*Altai State University*

68 Socialistichesky st., 656049, Barnaul, E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru; ³jp_0707@mail.ru

²*Pomor Academy, Slupsk*

22A Artsishevsky st., Slupsk, Poland, E-mail: ²dar.szpoper@gmail.com

The article analyzes the legal problems of the integration of science and education, offers an assessment of various organizational forms of integration of science and higher education over the past 30 years. The main provisions, stages of implementation and the results of the implementation of various scientific and educational state programs are studied, statistical data are provided that emphasize the increase in the volume of scientific activities carried out in educational organizations (higher educational institutions). The authors investigate the status of educational organizations as subjects of scientific law, emphasize the imperfection of Russian educational legislation regarding the differentiation of educational institutions of higher education and scientific organizations. The article focuses on the study of the positive and negative consequences of the introduction of a new category of higher educational institutions – flagship universities. After analyzing the problems of legal regulation of flagship universities, the authors come to the conclusion that the logical conclusion of the

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук «Феномен научного права: российское и международное измерение» № МД-233.2021.2

reform of flagship universities can be the establishment of the status of flagship universities in the legislation on education and a clear separation of flagship and federal universities.

Key words: educational organization, scientific organization, university, flagship university, scientific law.

Для организации науки в России не была характерна активная и значимая роль университетской науки вплоть до начала постсоветской эпохи. Фундаментальные и прикладные научные исследования преимущественно выполнялись научными организациями Российской академии наук (далее – РАН) и ведомственными научными учреждениями. Так, в 1990 г. на долю университетской науки приходилось всего 6,7 % всех расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР), на учреждения РАН – 12,5 %, на отраслевую и заводскую науку – 80,8 % от всех расходов на НИОКР [Наука в Российской Федерации 1992: 38 – 39].

В постсоветскую эпоху одной из задач государственной научно-технической политики стала интеграция науки и образования, расширение объема участия вузов в научно-исследовательской деятельности. Интеграция понималась как включение научных разработок и достижений в образовательный процесс, усвоение студентами новых научных знаний. Так, в ст. 11 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» и Указе Президента РФ от 13.06.1996 «О доктрине развития российской науки» в качестве одного из приоритетов политики в сфере науки и технологий была заявлена интеграция науки и образования [Указ Президента РФ 1996]. До 2008 г. такая интеграция шла по двум направлениям:

- создание учебно-научных центров, консолидирующих потенциал научных организаций и образовательных организаций в рамках Государственной программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки» (1997-2000 г.), благодаря которой академическая наука решала вопросы привлечения молодых кадров;

- реализация проекта научно-образовательных центров с привлечением средств зарубежных научных фондов (по линии сотрудничества с Американским фондом гражданских исследований и развития за счет грантов и софинансирования было создано 20 научно-образовательных центров – по 1,5 млн долларов на 5 лет в течение 1990-х годов) [Дежина 2011: 10], а также научно-образовательных центров по программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 гг.).

Следующим этапом в интеграции образования и науки стал переход России на англосаксонскую модель организации науки, в которой ведущую роль играют университеты, а не академические структуры. В управлении наукой возобладала концепция университета гумбольдтовского типа, для которой характерны сочетание преподавания и науки, отбор преподавателей по научным критериям [Захаров 2013: 122–130]. В 2008 г. была запущена программа создания элитных университетов с акцентом на исследовательскую деятельность.

В современных условиях интеграция науки и образования с учетом действующего законодательства возможна в следующих формах:

- создание научными организациями и образовательными организациями лабораторий (структурных подразделений) в вузах для ведения совместной научной и научно-технической деятельности;

- создание союзов и ассоциаций университетов и научных организаций;

- осуществление научной деятельности на основе соглашений о совместной деятельности;

- трудоустройство научных работников в организациях высшего образования и научно-педагогических работников в научных организациях.

В течение последних 30 лет в России апробировались различные организационные формы интеграции науки и высшего образования: учебно-научные центры, научно-образовательные центры, совместные научные лаборатории. В то же самое время в последнее десятилетие на смену концепции университета по версии Гумбольдта приходит идея предпринимательского университета, в деятельности которого значительную роль играет инновационная активность и внедрение научных разработок в производство [Константинов, Филонович 2007: 49–63].

Соответственно, видение университета как субъекта научно-технической и инновационной деятельности возрастает. В определенной степени такой подход был реализован в проекте «Вузы как центры пространства создания инноваций», которым предполагалось создать не менее 80 университетских центров инновационного, технологического и социального развития регионов, реализующих в отчетном году в своих технопарках, инжиниринговых центрах, бизнес-инкубаторах не менее 10 технологических и социальных проектов за счет средств предприятий, организаций региональной экономики и (или) регионального и муниципального бюджетов [Президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 2016]. Данный проект перестал осуществляться к 2019 г.

В 2020-2021 г. Министерство науки и высшего образования РФ начало запуск новой программы поддержки высшей школы с интеграцией науки, образования и бизнеса «Приоритет 2030», в рамках которого приоритетную государственную поддержку получают консорциумы научных, образовательных организаций и бизнес-структур [Распоряжение Правительства РФ 2020].

Усилия реформаторов по оптимизации сети научных учреждений и расширению доли участия университетов в исследованиях и разработках заметны по данным статистики. Так, в 2010 г. из всего количества организаций, которые вели научные исследования, научные организации составляли более 52 %. На долю же университетов приходилось всего 14,8 %. В 2018 г. заметно сокращение числа научных организаций до 39,8 % и рост числа вузов в сфере науки до 23,2 %. В абсолютных цифрах число научных организаций сократилось с 2600 в 2000 г. до 1500 в 2018 г. Напротив,

число университетов постоянно росло. В 2010 г. их число в сфере науки всего составляло 390, а в 2018 г. уже стало 917 [Статистический сборник 2020: 36–38].

1. В юридическом отношении принципиально важен статус образовательных организаций высшего образования как субъектов научного права. Прежде всего, следует иметь в виду двойственное положение университетов. Дуализм проявляется в том, что университеты одновременно выступают субъектами как образовательной, так и научной деятельности. В ст. 23 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» под образовательной организацией высшего образования понимается такая организация, которая осуществляет в качестве основной цели своей деятельности образовательную деятельность по программам высшего образования и научную деятельность [Федеральный закон 2012].

Таким образом, законодатель отразил официальную позицию государства на то, что наряду с образованием целью деятельности высших учебных заведений является научная деятельность. Причем при буквальном толковании положений законодательства ни один из видов деятельности не является для вузов приоритетным.

Примечательно, что научные организации в свою очередь также имеют право вести образовательную деятельность по программам магистратуры и аспирантуры (ординатуры). Таким образом, в юридическом отношении граница между вузами и научными организациями оказывается еще более тонкой. И вузам, и научным организациям разрешено вести образовательную и научную деятельность. Возникает резонный вопрос, в чем между ними различие?

Одним из критериев разграничения может быть значение и доля работы в сфере образования и науки для соответствующих организаций. Для вузов приоритетной является образовательная деятельность, тогда как для научных организаций основной является научная деятельность. На практике объем той или иной деятельности в работе университетов и научных организаций может существенно варьироваться. Данный критерий ситуативен и носит оценочный характер, а значит, не может быть положен в основу юридической классификации. В этой части очевиден дефект российского образовательного законодательства относительно разграничения образовательных организаций высшего образования и научных организаций.

Думается, что приоритетной для университетов и определяющей их социальное предназначение выступает образовательная деятельность. Исследовательская деятельность в университетах не может быть самоцелью и должна быть подчинена тезису о трансляции новых научных знаний через профессорско-преподавательский состав обучающимся. Студенты для будущей эффективной трудовой деятельности должны овладевать современными знаниями и компетенциями.

Соответственно, подп. 4. ч. 1. ст. 23 вышеуказанного федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» может быть изложен следующим образом: под образовательной организацией высшего образования понимается такая организация, которая осуществляет в качестве основной цели своей деятельности образовательную деятельность по программам высшего образования, а также научную деятельность в целях более эффективной реализации образовательной деятельности.

2. С точки зрения организационно-правовой формы образовательные организации высшего образования являются учреждениями со всеми присущими таким юридическим лицам особенностями правового статуса. Учреждение по своей природе в отличие от корпорации предполагает достаточно централизованную организацию для достижения поставленных учредителем (чаще всего публично-властным субъектом) социально значимых задач [Ильин 1993: 41–42].

Для учреждения как разновидности некоммерческих организаций характерны следующие черты:

- учреждение создается с целью обеспечения социально значимой деятельности, в случае с университетами такой целью является образовательная деятельность и проведение научных исследований;
- имущество таких организаций закреплено за ними на праве оперативного управления, что ограничивает полномочия по распоряжению имуществом и в необходимых случаях требует согласия собственника (учредителя учреждения);
- учреждение осуществляет деятельность на основе государственного задания и не может отказаться от его исполнения;
- учреждение вправе осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено его уставом, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям.

3. В статусе университетов сочетаются черты юридических лиц частного и публичного права в зависимости от приоритетов государственной политики. Так, университеты в форме автономных учреждений в большей степени примыкают к юридическим лицам частного права с более широкой автономией в частных отношениях.

Автономия образовательной организации высшего образования понимается как осуществление организацией самостоятельно образовательной, научной, административной, финансово-экономической деятельности, деятельности по принятию локальных нормативных правовых актов в установленных нормативными правовыми актами пределах. Автономность учреждений проявляется в нескольких формах:

- свобода в установлении содержания образовательных программ;
- академические свободы преподавателей и обучающихся;
- наличие коллегиальных органов управления университета, избираемых работниками организации и студентами (ученый совет университета), в компетенции которого находятся стратегически значимые полномочия;
- самостоятельность в пределах, установленных правовыми актами, в сфере распоряжения собственными доходами, кадровой политики и т. п.

Формами участия университетов в исследовательской деятельности выступают:

- проведение фундаментальных и прикладных исследований на основе государственного задания, конкурсов грантов, за счет средств частных заказчиков или собственных доходов;
- создание совместных научных лабораторий с научными организациями;
- проведение научных мероприятий для обсуждения и презентации результатов научной деятельности;
- международное научное и научно-техническое сотрудничество;
- участие в научной экспертизе управленческих решений, иных проектов;
- просветительская деятельность в сфере науки;
- подготовка кадров высшей квалификации через аспирантуру, соискательство и докторантуру.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» было предусмотрено создание следующих разновидностей образовательных организаций высшего образования:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет;
- федеральные университеты;
- национально-исследовательские университеты.

Понятие «опорного университета» в российском праве было введено в связи объявлением в 2015 г. Министерством образования и науки Российской Федерации конкурса для отбора высших учебных заведений в качестве опорных университетов. В Положении о проведении конкурса в качестве цели конкурса был указан отбор программ развития университетов, деятельность которых направлена на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации. Соответственно, университеты, чьи программы прошли конкурсный отбор, получили субсидию на реализацию программы в размере 100 млн рублей ежегодно.

Анализ российского законодательства в 2013-2018 гг. показывает неоднозначность термина «опорный университет» и неопределенность как самого смыслового концепта, так и судьбы опорных вузов.

Во-первых, такая категория университетов как опорные университеты не нашла формального закрепления в законодательных актах. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» упоминает лишь университеты с особым статусом.

Впервые термин «опорный университет» был использован в Государственной программе развития образования на 2013-2020 гг., утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации [Постановление Правительства РФ 2014]. В документе среди приоритетов государственной политики в сфере высшего образования определялось следующее: реализация программ развития опорных образовательных организаций высшего образования для региональных экономических систем с целью развития лидирующих отраслевых образовательных организаций высшего образования, в том числе путем создания в них университетских центров инновационного, технологического и социального развития регионов.

Во-вторых, возникло множество производных от термина «опорный университет» – «опорный университет России», «опорный вуз», «опорный университет региона», «университетский центр», «центры инновационного, технологического и социального развития регионов» и т. п. С точки зрения требований юридической техники такое разнообразие ведет к размыванию содержания понятия и утрате качества ясности и определенности термина. Причем такая полисемия имеет корни в законодательстве. По своему смысловому наполнению опорный университет – тот университет, который участвует в социально-экономическом развитии региона (проведение научных исследований и подготовка высококвалифицированных кадров). Следовательно, это университеты региональные по своему функциональному назначению.

В-третьих, очевидно, что понятие «опорный университет» – метафора, к которой нередко прибегает законодатель. Видимо, в данном случае имеется в виду тот университет, на который может опереться субъект Российской Федерации для социально-экономического развития региона. Опорный университет – это научно-инновационная и образовательная опора, необходимая для устойчивого развития экономики и социальной сферы.

Наконец, термин «опорный университет» постепенно уходит из употребления в юридическом языке, поскольку в силу последних изменений используются иные термины – «вузы как центры пространства инноваций», «университетский центр», «центр инновационного, технологического и социального развития регионов».

31 декабря 2017 г. вышеуказанная Государственная программа развития образования утратила силу. На смену ей пришла Государственная программа развития образования Российской Федерации, в которой категория «опорный университет» не упоминается [Постановление Правительства РФ 2017]. Вместе с тем в Постановлении Правительства РФ, утвердившем программу, указывается на одну из задач развития образования в России – создание университетских центров в субъектах Российской Федерации.

Принятие новой Государственной программы развития образования стало следствием работы Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам. 25 октября 2016 г. Совет утвердил паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры создания пространства инноваций», в котором одной из задач государства в сфере образования было определено создание университетских центров (55 центров к 2018 г.)

Весьма примечательно то, как был определен образ таких центров: «созданные университетские центры обеспечивают формирование привлекательной социальной среды и новое качество жизни в регионах, доступ к современным технологиям, создание и развитие в регионах отраслей экономики знаний и экономики впечатлений, формирование привлекательной социальной среды и новое качество жизни в регионах» [Президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 2016].

Следует отметить, что введение новой категории вузов – опорных университетов – изначально приобрело неоднозначное, дуальное толкование в образовательной среде. Наряду с позитивной оценкой появления опорных вузов широко обсуждается так называемый «истинный смысл» реформы университетов (что называется на юридическом языке «с точки зрения законодательного предположения»).

Эксперты в сфере образования видят в создании опорных университетов стремление правительства окончательно перевести образование в формат рынка и конкуренции, а также обеспечить экономию бюджетных средств. В ходе так называемой «первой волны» отбора опорных университетов в 2015-2016 гг. одним из обязательных условий создания опорных вузов определялось объединение (слияние) существующих в субъекте Российской Федерации образовательных организаций. Причем в качестве мотивов такого объединения официальные власти озвучивали проблемы демографического кризиса – уменьшение набора из-за спада рождаемости. Соответственно, вузы будут вынуждены оптимизировать свою структуру и сокращать сотрудников. Как результат такой реорганизации – экономия бюджетных средств, сокращение профессорско-преподавательского состава, дублирующих управленческих и организационных подразделений.

Деструктивное начало в реформе высших учебных заведений подтверждается и тем, что в ходе второй волны отбора опорных вузов в 2017 г. часть победивших вузов осталась без государственного финансирования в размере 100 млн рублей. Руководство Министерства науки и высшего образования РФ подчеркивает, что те опорные вузы, которые не пройдут мониторинг реализации программ, будут лишены и статуса, и средств. Более того, остается открытым вопрос о судьбе тех вузов, которые не станут опорными. Либо их финансирование останется без изменений, либо источником их финансирования рассматриваются бюджеты субъектов Российской Федерации.

Видимо, в основу концепта «опорный университет» положена идея флагманского университета – университета, который включен в развитие локального сообщества и местной экономики. Флагманский университет по концепции американского ученого Д. Дугласа выступает научно-образовательным драйвером социально-экономического развития региона. Флагманский университет в условиях включения ведущих национальных вузов в глобальную экономику знаний и потери научного и инновационного потенциала в регионах призван обеспечить реализацию интересов внутринационального и регионального развития государств.

Соответственно, российская система высшего образования с учетом создания ведущих вузов (с особым статусом, федеральных и национально-исследовательских университетов) с неизбежностью ставила вопрос о судьбе региональных центров науки и образования. В такой модели именно опорные вузы должны сыграть роль локомотивов интеллектуального и инновационного сопровождения развития субъектов Российской Федерации.

Нельзя не отметить близость термина «опорный университет» с категорией «федеральный университет». С учетом действующих положений федерального законодательства, между этими терминами практически нет различий. Ч. 3 ст. 24 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» гласит: «В целях обеспечения подготовки кадров для комплексного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации Правительством Российской Федерации от имени Российской Федерации может быть создана образовательная организация высшего образования в форме автономного учреждения, которой устанавливается категория «федеральный университет». При создании федерального университета Правительство Российской Федерации учитывает предложения органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, подготовленные на основании программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации» [Федеральный закон 2012].

Следовательно, федеральный университет, как и опорный вуз, направлен на подготовку кадров для социально-экономического развития регионов. Отличает эти два вида высших учебных заведений то, что среди задач опорных университетов законодателем дополнительно названо проведение научных исследований в целях социально-экономического развития регионов. При буквальном толковании с учетом грамматического и логического приемов два термина «федеральный университет» и «опорный университет» имеют одинаковое содержание. С точки зрения юридической техники такое смешение недопустимо, тем более что в законодательстве разводятся организационно-правовая форма, объемы и формы финансирования и условия отбора вузов данных категорий.

Юридическая судьба опорных университетов осложняется и тем, что конкурс по отбору образовательных организаций проводится на основании актов, которые не имеют качества официальных нормативных правовых актов. Конкурсы в 2015 г. и 2017 г. проводились на основании документов, которые утверждались заместителями министра образования и науки Российской Федерации в форме положений без санкционирования их в виде приказов. Следовательно, правовое положение опорных университетов остается неопределенным и ведет к нестабильности в системе высшего образования. Единственным документом, который определяет отбор вузов в качестве опорных, является приказ Министерства образования и науки РФ от 7 августа 2015 г. «О проведении конкурсного отбора образовательных организаций высшего образования на финансовое обеспечение программ развития федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счет средств федерального бюджета в 2016-2018 гг.» [Министерство образования и науки РФ 2015]. Сам приказ нормативного характера не имеет, так как содержит властное веление о проведении конкурса и возложении обязанностей по проведению конкурса на конкретных должностных лиц. К тому же приказ не был опубликован.

Анализ нормативных актов, регламентирующих статус опорных университетов, позволяет сформулировать ряд признаков данной категории образовательных организаций:

1. Опорный университет направлен на подготовку кадров для региональной экономики, социальной сферы и управления.
2. Опорный вуз проводит научные исследования в интересах социально-экономического развития региона.

3. Опорный университет позволит сохранить талантливую часть абитуриентов в регионе, снизив, таким образом, миграцию и отток из регионов.

4. Опорный вуз в итоге должен содействовать созданию в регионах комфортных условий для жизни человека, обеспечению равного стандарта жизни человека независимо от места его жительства (за счет ориентации научных и социальных разработок опорных вузов на создание комфортной среды, улучшение качества жизни и развитие региональной экономики).

Среди экспертов бытует мнение, что именно опорный университет может стать центром притяжения для социальных инноваций, развития предпринимательских проектов, местом для творческой и культурной жизни региона. Речь идет о так называемом университетском поселении, вокруг которого вращается вся жизнь местного сообщества – *rural campus* (университетский городок, корпуса, общежития, библиотеки, офисы инновационных компаний, кафе, рестораны, банки, аптеки, клиники и т. п.). Такое университетское поселение может стать условием для развития творчества и генерации новых идей.

Программа развития опорного университета должна быть согласована с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и интегрирована в программу социально-экономического развития регионов.

Эксперты в сфере образования в опорных университетах видят логическое продолжение реформы высшего образования через создание ведущих вузов и сети опорных региональных вузов России.

Четко зафиксированы те целевые показатели, которые должны быть достигнуты в процессе реализации программ развития опорных университетов:

- увеличение общей численности студентов минимум до 10 тыс. обучающихся в каждом вузе;
- рост доходов университетов до 2 млрд руб. и более;
- реализация образовательных программ не менее чем по 20 укрупненным группам направлений подготовки и специальностей;
- увеличение объема научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на одного научно-педагогического работника не менее чем до 150 тыс. руб.;
- число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования: Web of Science (в расчете на 100 научно-педагогических работников) – не должно быть менее 15, Scopus (в расчете на 100 научно-педагогических работников) – не менее 20 и др.

Главной проблемой опорных университетов является вопрос их правового статуса и юридической судьбы. Очевидно, что напрашивается фиксация юридического положения опорных университетов в федеральном законодательстве. Ряд субъектов Российской Федерации, не дожидаясь решений центральной власти, пошли по пути нормативного регулирования положения опорных университетов. Так, в Ростовской области принят областной закон «О взаимодействии органов государственной власти Ростовской области с опорным университетом Ростовской области» [Закон Ростовской области 2018]. В областном законе определены направления участия опорного вуза Ростовской области в социально-экономическом развитии Ростовской области:

- 1) развитие и эффективное использование научного, научно-технического, инновационного и образовательного потенциала опорного университета Ростовской области в целях кадрового и научно-исследовательского обеспечения социально-экономического развития Ростовской области;
- 2) привлечение опорного университета Ростовской области к решению задач, предусмотренных стратегией социально-экономического развития Ростовской области, а также другими документами стратегического планирования Ростовской области;
- 3) обеспечение на основе научных достижений опорного университета Ростовской области рационального и эффективного использования ресурсов Ростовской области, повышения конкурентоспособности производимых в Ростовской области товаров, выполняемых работ и оказываемых услуг;
- 4) оказание содействия в прохождении практики, стажировки и в трудоустройстве студентов опорного университета Ростовской области в органах государственной власти Ростовской области, а также в находящихся на территории Ростовской области организациях;
- 5) популяризация деятельности опорного университета Ростовской области;
- 6) развитие и реализация социально-культурных, спортивных и здоровье сберегающих проектов;
- 7) реализация кластерных проектов и инициатив Ростовской области;
- 8) использование социально-культурной инфраструктуры опорного университета Ростовской области для проведения областных мероприятий;
- 9) реализация мероприятий программы развития опорного университета Ростовской области;
- 10) проведение совместных конференций, семинаров и других мероприятий, посвященных вопросам социально-экономического развития Ростовской области;
- 11) имущественные отношения.

В заключении можно отметить, что неопределенность юридического положения опорных университетов вызывает сомнения в сохранении такой категории российских вузов в перспективе 2019-2025 гг. Логическим завершением реформы опорных университетов могло бы стать установление статуса опорных университетов в законодательстве об образовании и четкое разделение опорных и федеральных университетов. Отсутствие ясности в статусе опорных вузов рождает у региональных органов публичной власти неопределенность в политическом отношении к опорным университетам (такое неоднозначное положение может влечь за собой инертное и пассивное отношение органов государственной власти к поддержке опорных университетов). Кроме того, вполне закономерен отказ региональных

властей от поддержки создания опорных университетов под опасением объединения и оптимизации региональных вузов, а также их перевода на региональное финансирование (Иркутская область).

Новый федеральный проект «Наука и университеты» 2020-2021 гг. вновь продолжает линию введения видов университетов «национальных исследовательских» и «национальных опорных» и инструментов их поддержки без четкой опоры в федеральных законах, что создает неопределенность их положения и волюнтаризм федеральных органов исполнительной власти.

Наконец, нормативная фиксация научно-инновационной деятельности как одного из ведущих направлений университетской миссии и фактический рост значения вузовской науки в общем развитии научного сектора в России свидетельствует, что образовательные организации высшего образования являются субъектами научного права. Очевидно, что законодательство о науке должно формально отнести университеты к субъектам научного права, чтобы привести законодательство в соответствие с фактом.

Литература

«Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. №1642 / СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/

Дежина И. Развитие науки в России. Париж, 2011.

Захаров В.В. Основные этапы эволюции правового статуса университета в России (историко-юридический очерк) / Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 1 (25). – С. 122–130.

Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993.

Индикаторы науки 2020 : статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др. М., 2020. С. 36 – 38.

Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Что такое предпринимательский университет / Вопросы образования. – 2007. – № 1. – С. 49–63.

Наука в Российской Федерации в 1991 г. : статистический сборник. М., 1992. С. 38–39.

О взаимодействии органов государственной власти Ростовской области и опорного университета Ростовской области : областной Закон Ростовской области от 19 февраля 2018 г. №1328-ЗС / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446638019>

О доктрине развития российской науки : указ Президента РФ от 13 июня 1996 №884 / Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – С. 3005.

О проведении конкурсного отбора образовательных организаций высшего образования на финансовое обеспечение программ развития федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счет средств федерального бюджета в 2016-2018 годах : приказ Министерства образования и науки РФ от 7 августа 2015 г. №811 / Информационно-правовое обеспечение Гарант. URL: <http://base.garant.ru/71244466/>

О реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. №3697-р / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 №273 / СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года №295 / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091784>

Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций»: Президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам / утв. протоколом от 25 октября 2016 г. №9.

References

Dezhina, I. (2011). Development of science in Russia. Paris (in Russian).

Ilyin, I.A. (1993). Collected works: in 10 volume. Moscow (in Russian).

Indicators of science 2020: statistical collection. (2020). Moscow, 36–38 (in Russian).

Konstantinov, G.N., Filonovich, S.R. (2007). What is an entrepreneurial university. Education Issues, 1, 49–63 (in Russian).

On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (in Russian).

On the approval of the state program of the Russian Federation Development of education: Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 1642. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/ (in Russian).

On the approval of the state program of the Russian Federation Development of education for 2013-2020: Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 295. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/499091784> (in Russian).

On the competitive selection of educational institutions of higher education for the financial support of programs for the development of federal state educational institutions of higher education at the expense of the federal budget in 2016-2018: order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of August 7, 2015 No. 811. Available from: <http://base.garant.ru/71244466/> (in Russian).

On the doctrine of the development of Russian science: decree of the President of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 884. Collected Legislation of the Russian Federation, 1996, 25, 3005 (in Russian).

On the implementation of the program of strategic academic leadership Priority-2030: order of the Government of the Russian Federation of December 31, 2020 No. 3697-r. Available from: <http://pravo.gov.ru> (in Russian).

On the interaction of public authorities of the Rostov region and the pivotal university of the Rostov region: the regional law of the Rostov region of February 19, 2018 No. 1328-3C. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/446638019> (in Russian).

Passport of the priority project Universities as centers of space for creating innovations: Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for strategic development and priority projects / approved. Minutes dated October 25, 2016 No. 9 (in Russian).

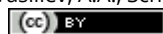
Science in the Russian Federation in 1991: statistical collection. (1992). Moscow, 38–39 (in Russian).

Zakharov, V.V. (2013). The main stages of the evolution of the legal status of the university in Russia (historical and legal sketch). Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, 1 (25), 122 – 130 (in Russian).

Citation:

Васильев А.А., Шпоппер Д., Печатнова Ю.В. Университеты как субъекты научного права. // Юрислингвистика. – 2021. – 22. – С. 5-12.

Vasiliev, A.A., Schopper, D., Pechatnova, Yu. V. (2021). Universities as Subjects of Scientific Law. Legal Linguistics, 22, 5–12.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Порядок официального опубликования нормативных правовых актов как источника российского права

О.Л. Казанцева

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: verwaltung@mail.ru*

Статья посвящена исследованию порядка опубликования нормативных правовых актов в соответствии с российским законодательством. Нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, представляют собой важнейший источник российского права и должны быть официально опубликованы. Именно с данным фактом закон связывает вступление их в силу. Учитывая, что отсутствуют легальные определения нормативного правового акта, официального текста, обнародования, возникают проблемы в правоприменительной практике. Кроме того, разнообразие нормативных актов по уровню их принятия свидетельствует о многообразии источников их официального опубликования. В целях определения правил опубликования законов и иных нормативных актов, национальных и международных документов подготовлена данная научная статья. Автором сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере и легального определения исследуемых понятий.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, опубликование, обнародование, источник официального опубликования.

The Procedure for the Official Publishing of Regulatory Legal Acts as a Source of Russian Law

Kazantseva O.L.

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: verwaltung@mail.ru*

The article is aimed at the study of the procedure for publishing of regulatory legal acts in accordance with Russian legislation. Normative legal acts affecting the rights, freedoms and duties of man and citizen are the most important source of Russian law and should be officially published. It is with this fact that the law connects their entry into force. Given that there are no legal definitions of a regulatory legal act, official text, publication, problems arise in law enforcement practice. In addition, the diversity of normative acts by the level of their adoption indicates the diversity of sources of their official publication. This scientific article has been delivered in order to determine the rules for the publishing of laws and other regulations, national and international documents. The author concludes that it is necessary to improve legislation in field and the legal definition of the concepts under study.

Key words: regulatory legal act, publishing, publication, source of official publication.

Понятие «нормативный правовой акт» в российском законодательстве не раскрывается, но часто используется. Ввиду этого на практике возникают вопросы разграничения нормативного и ненормативного правового акта.

Попытка дать определение нормативного правового акта была предпринята 11 ноября 1996 года в Постановлении Государственной думы РФ № 781-II ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации», в котором под таким актом понимался письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм.

Похожая норма использовалась и в «Разъяснениях о применении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации», утвержденных Приказом Минюста России от 04.05.2007 № 88, которые утратили силу в связи с принятием новых от 23 апреля 2020 г. № 105.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 ноября 2007 года № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» тоже поучаствовал в формировании дефиниции, определив в качестве существенных признаков нормативного правового акта: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение и направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

В настоящее время действует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», в котором ранее изложенные признаки нормативного правового акта сохраняются.

Таким образом, все вышеуказанные документы определили существенные признаки нормативного правового акта, которые кладутся за основу при определении его понятия, но законодатель данное понятие так и не сформулировал.

Вопросам опубликования нормативных актов посвящен ряд работ, в которых учеными поднимались и рассматривались различные аспекты [Абрамова, Рахманина 1998; Артамонов 2008]. Проблемы электронного опубликования также поднимались российскими авторами [Червяковский 2016; Смышляев 2014].

В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции РФ официальному опубликованию подлежат любые законы, а также нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина. Неопубликованные законы и иные нормативные правовые акты не должны применяться. По смыслу данной конституционной нормы остальные нормативные правовые акты органы государственной власти и местного самоуправления не обязаны официально публиковать.

При официальном опубликовании в официальном издании размещается сам текст нормативного правового акта со всеми имеющимися к нему приложениями, которые являются его составной частью, а не факсимиле оригинала документа с подписью и печатью, как многие ошибочно думают. Следовательно, отсутствие подписи и печати на опубликованной версии нормативного акта не свидетельствует о том, что данный акт не подписан и не действует. Официальному опубликованию всегда предшествует этап его принятия и подписания должностным лицом.

Анализ регионального законодательства позволяет сделать вывод о том, что и печать не является обязательным реквизитом нормативных правовых актов. Например, ст. 20 Закона Костромской области от 11 января 2007 г. № 106-4-ЗКО «О нормативных правовых актах Костромской области», ст. 12 Закона г. Москвы от 8 июля 2009 г. № 25 «О правовых актах города Москвы», ст. 43 Закона Алтайского края от 9 ноября 2006 года № 122-ЗС «О правотворческой деятельности» устанавливают перечень обязательных реквизитов таких правовых актов. Подпись должностного лица среди них имеется, а вот печать отсутствует.

В соответствии с п. 1 ст. 26 Федерального закона от 29 июня 2015 года №162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» документы национальной системы стандартизации применяются на добровольной основе, если иное не установлено специальной нормой закона. На сегодняшний день такие нормы не приняты. Следовательно, соблюдение ГОСТов, предусматривающих наличие подписи и печати в документах, при принятии и опубликовании нормативных правовых актов не обязательно, они носят рекомендательный характер.

Законодатель наряду с понятием «официальное опубликование» использует другое – «официальное обнародование», что может свидетельствовать об их синонимичности. Однако это не так.

Официальное опубликование – это размещение полного текста закона или иного нормативного акта в официальном источнике, который для этого предназначен и указан в специальной норме. Зачастую нормы предусматривают несколько источников официального опубликования, в этом случае официальным опубликованием будет считаться первое размещение полного текста в одном из этих источников. Источник, в котором произошло официальное опубликование, всегда будет один. А источников, в которых размещенный текст будет считаться официальным, может быть несколько.

Поскольку нормативные правовые акты принимаются органами разных уровней (федерального, регионального и муниципального), то и источники их официального опубликования будут различными.

Непосредственно сам порядок опубликования Конституция РФ не предусматривает, он определяется иными нормативными документами.

Важно отметить, что источники официального опубликования со временем могут меняться, что тоже находит свое отражение в законодательстве. Для каждого документа значение имеют те нормы, которые действовали на момент его официального опубликования.

Для опубликования федеральных конституционных и федеральных законов порядок их официального опубликования и вступления в силу устанавливается специальным федеральным законом от 14 июня 1994 года №5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» и конкретизируется указом Президента РФ от 05.04.1994 № 662 «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных законов».

Официальным опубликованием федерального конституционного закона, федерального закона, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в Парламентской газете, Российской газете, Собрании законодательства РФ или первое размещение (опубликование) на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru). На союз «или» вполне обоснованно обратили внимание Н.Я. Соколов и К.С. Кармадонов, отмечая, что сама формулировка нормы выглядит неоднозначно, поскольку в случае опубликования указанных актов в электронном виде обязанность публиковать их в печатном издании отсутствует. Это, с одной стороны, затрудняет процесс ознакомления граждан с принятыми законами, Интернет присутствует не везде. С другой стороны, отсутствие официальной версии печатного текста нормативного акта может влечь изменение норм в электронном виде, и доказать, что текст претерпел изменения по сравнению с первоначальным вариантом, не будет возможности [Соколов, Кармадонов 2018].

Законодательно предусмотрена возможность публиковать федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания в иных печатных изданиях, а также доводить до всеобщего сведения (обнародованы) по телевидению и радио, рассылать государственным органам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям, передавать по каналам связи, распространять в машиночитаемой форме.

Обнародование, в отличие от официального опубликования, представляет собой доведение информации о принятом нормативном правовом акте или его основных положениях до всеобщего сведения, при этом способы и формы доведения информации могут быть различными.

Для вступления в силу нормативного акта имеет значение его официальное опубликование, а не обнародование.

Порядок официального опубликования нормативных актов Президента РФ установлен Указом Президента РФ от 23 мая 1996 года №763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти».

Порядок официального опубликования нормативных актов Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти (министерств и ведомств федерального уровня) определяется также вышеуказанным указом Президента от 23 мая 1996 года № 763 и, в некоторой части, постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 года №1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (п. 17).

Акты Президента РФ и Правительства РФ в течение 10 дней после дня их подписания подлежат официальному опубликованию в Российской газете, Собрании законодательства РФ и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru). Официальным опубликованием актов Президента РФ и Правительства РФ считается первая публикация их полных текстов в вышеуказанных источниках. Официальными являются также тексты актов Президента РФ и Правительства РФ, распространяемые в электронном виде федеральным государственным унитарным предприятием "Научно-технический центр правовой информации "Система" Федеральной службы охраны РФ, а также органами государственной охраны.

Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, подлежат официальному опубликованию в установленном порядке, кроме актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера. Министерство юстиции РФ в течение 5 дней после государственной регистрации направляет их электронные копии (электронные образы) в федеральное государственное бюджетное учреждение «Редакция «Российской газеты» и в Федеральную службу охраны РФ.

Что касается региональных законов и нормативных актов субъектов РФ, то общие принципы их опубликования установлены федеральным законом в части, касающейся нормативных актов по вопросам совместного ведения Российской Федерации и регионов. Так, Федеральный закон от 6 октября 1999 года №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в ч. 5 ст. 8 закрепляет, что Конституция (устав) и законы субъекта РФ вступают в силу после их официального опубликования. Законы и иные нормативные правовые акты субъекта РФ по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина вступают в силу не ранее чем через десять дней после их официального опубликования.

В свою очередь, пп. 38 п. 2 ст. 26.3 названного федерального закона к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ (за исключением субвенций из федерального бюджета), относит решение вопроса учреждения печатного средства массовой информации и сетевого издания для обнародования (официального опубликования) правовых актов органов государственной власти субъекта РФ, иной официальной информации.

За регионами закрепляются и собственные полномочия, при осуществлении которых они не зависят от центра и

принимают собственные акты, в связи с чем порядок официального опубликования региональных законов и нормативных актов каждый субъект РФ определяет самостоятельно своими актами.

По общей норме федерального закона регион вправе осуществлять официальное опубликование своих нормативных актов на федеральном портале <http://pravo.gov.ru/>, если примет такое решение в своих региональных актах (ст. 9.1 Федерального закона от 14 июня 1994 года №5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»).

Если регион решил так сделать, порядок такого размещения или официального опубликования устанавливается для него Указом Президента РФ от 2 апреля 2014 №198 «О порядке опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)».

Однако субъект РФ вправе установить другие правила. Например, в Москве действует ряд законов в части опубликования нормативных актов: Закон г. Москвы от 8 июля 2009 года №25 «О правовых актах города Москвы» (ст. 19), Закон г. Москвы от 14 декабря 2001 года N 70 «О законах города Москвы и постановлениях Московской городской Думы» (ст. 21). В Санкт-Петербурге данные вопросы освещены в Законе Санкт-Петербурга от 16 июля 2010 года № 445-112 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов Санкт-Петербурга», а также в Постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 29 июня 2011 года № 865 «О Порядке официального опубликования правовых актов Губернатора Санкт-Петербурга, Правительства Санкт-Петербурга, иных исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга». В Новосибирской области приняты Закон Новосибирской области от 25 декабря 2006 года № 80-ОЗ «О нормативных правовых актах Новосибирской области» (ст. 26), Устав Новосибирской области (ч. 4 ст. 45), а также Постановление Губернатора Новосибирской области от 26 апреля 2010 года № 134 «О Порядке подготовки, принятия, опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов Губернатора Новосибирской области, Правительства Новосибирской области, областных исполнительных органов государственной власти Новосибирской области».

Муниципальные правовые акты, принимаемые органами местного самоуправления, имеют свой порядок официального опубликования нормативных актов, а также свои официальные источники их опубликования.

Федеральный закон от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепил только общие принципы в ч. 2 ст. 47, где устанавливается, что муниципальные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, закрепляющие правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование, а также соглашения, заключаемые между органами местного самоуправления, вступают в силу после их официального опубликования (обнародования). При этом официальным опубликованием муниципального правового акта или соглашения считается первая публикация его полного текста в периодическом печатном издании, распространяемом в соответствующем муниципальном образовании. Для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов и соглашений органы местного самоуправления вправе также использовать сетевое издание.

Так, например, в г. Барнауле согласно ст. 80 Устава городского округа – города Барнаула для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов и соглашений органы местного самоуправления также используют официальное сетевое издание «Правовой портал администрации г. Барнаула» (<http://law-portal22.ru>), учрежденное администрацией города 17 декабря 2019 г., регистрационный номер ЭЛ № ФС 77-77362.

Помимо национальных нормативных актов источником российского права являются и международные договоры. Официальное опубликование международных договоров Российской Федерации регулируется специальным Федеральным законом от 15 июля 1995 года №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», согласно ст. 30 которого вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, решения о согласии на обязательность которых для Российской Федерации приняты в форме федерального закона, подлежат официальному опубликованию по представлению Министерства иностранных дел РФ в Собрании законодательства РФ. Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры (за исключением договоров межведомственного характера) по представлению Министерства иностранных дел РФ также официально опубликовываются в Бюллетене международных договоров и размещаются (опубликовываются) на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru).

Субъекты РФ вправе также заключать по определенным вопросам свои собственные международные соглашения. Регионы российского государства могут заключать соглашения с регионами других стран, а иногда – и напрямую с государствами, а также могут участвовать в международных организациях.

Федеральный закон от 4 января 1999 года № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» в ст. 6 предусматривает, что тексты соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъекта РФ, подлежат опубликованию, порядок которого устанавливается региональными законами и иными нормативными правовыми актами. Например, Закон Новосибирской области от 13 ноября 2000 года № 125-ОЗ «О международных, внешнеэкономических и межрегиональных связях Новосибирской области» устанавливает, что законы Новосибирской области об утверждении международных и межрегиональных соглашений Новосибирской области подлежат официальному опубликованию в порядке и сроки, установленные Уставом Новосибирской области, Законом Новосибирской области от 25 декабря 2006 года № 80-ОЗ «О нормативных правовых актах Новосибирской области». Ст. 6 Конституции Республики Татарстан утверждает, что Татарстан в пределах своих полномочий вступает в международные и внешнеэкономические связи с субъектами и административно-территориальными образованиями

иностранных государств, иностранными государствами, заключает международные соглашения, обменивается представительствами, участвует в деятельности международных организаций.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Официальное опубликование нормативных правовых актов является одним из важнейших этапов правотворческой деятельности органов публичной власти.

2. Для вступления нормативного правового акта в силу требуется именно его официальное опубликование, нарушение технических деталей порядка такого опубликования на юридическую силу документа не влияет. Исключение возможно только в том случае, если на него прямо указывается в соответствующих нормах (не исключено, что в каком-нибудь регионе или муниципальном образовании такое необычное правило для нормативных актов может существовать).

3. Официальное опубликование и обнародование – это разные понятия. Официальное опубликование – это юридический акт, момент которого важен для определения того, вступил ли подлежащий официальному опубликованию документ в силу или нет и когда именно вступил/вступит.

4. Официальный текст представляет собой текст, который будет рассматриваться судами и государством как эталонный. В случае необходимости проверить, что написано в нормативном акте, они будут изучать официальный текст.

5. Источник, в котором произошло официальное опубликование, всегда один, а источников, в которых размещенный текст будет считаться официальным, может быть несколько.

6. Поскольку некоторые дефиниции не закреплены, законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании в целях исключения возникающих на практике проблем и спорных ситуаций.

Литература

Абрамова А. И., Рахманина Т. Н. Опубликовано нормативных правовых актов: информационно-правовой аспект / Журнал российского права. – 1998. – № 10/11. – С. 89-100.

Артамонов А. Н. Опубликовано нормативных правовых актов и информационные технологии / Информационное право. – 2008. – № 3. – С. 19-23.

Смышляев С. М. Электронное опубликование нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации / Интернет и современное общество : тр. XIII Всерос. объединен. конф., 19 - 22 октября 2014 г. СПб., 2014. С. 54-58.

Соколов Н.Я., Кармадонов К.С. Официальное опубликование нормативных правовых актов: учебное пособие. Москва, 2018.

Червяковский А. В. Электронное опубликование нормативных правовых актов: состояние и перспективы развития / Вестник Омского университета. Сер. : Право. – 2016. – № 4(49). – С. 34-41.

References

Abramova, A. I., Rachmanina, T. N. (1998). Publication of regulatory legal acts: informational and legal aspect. Journal of Russian law, 10/11, 89-100 (in Russian).

Artamonov, A.N. (2008). Publication of regulatory legal acts and information technology. Information law, 3, 19-23 (in Russian).

Chervyakovsky, A.V. (2016). Electronic publication of normative legal acts: state and development prospects. Bulletin of Omsk University. Ser. : Right, 4 (49), 34-41 (in Russian).

Smyshlyayev, S.M. (2014). Electronic publication of normative legal acts of the constituent entities of the Russian Federation. Internet and modern society: tr. XIII All-Russia. united. Conf., 19 - 22 October 2014, Saint Petersburg, 54 - 58 (in Russian).

Sokolov, N.Ya., Karmadonov, K.S. (2018). Official publication of normative legal acts: textbook. Moscow (in Russian).

Citation:

Казанцева О.Л. Порядок официального опубликования нормативных правовых актов как источника российского права// Юрислингвистика. – 2021. – 22. – С. 13-17.

Kazantseva, O.L. (2021). The Procedure for the Official Publishing of Regulatory Legal Acts as a Source of Russian Law. Legal Linguistics, 22, 13-17.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О результатах экспертизы нормативных актов регионов Российской Федерации и зарубежных стран по выявлению лучших практик правового регулирования детско-юношеского, студенческого и адаптивного спорта¹

Е.Ю. Коваленко¹, Н.В. Тыдыкова², О.А. Шавандина³

Алтайский государственный университет

*пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹ekov@mail.ru, ²academnauka@rambler.ru,
³shao07@rambler.ru*

В статье описываются результаты экспертизы нормативных актов 22 регионов России, проведенной авторами в целях выявления лучших практик правового регулирования детско-юношеского, студенческого и адаптивного спорта. Анализ перечисленных нормативных актов показал, что положения о детско-юношеском, студенческом и адаптивном спорте нашли отражение через закрепление соответствующих норм в качестве полномочий органов власти субъектов, полномочий органов местного самоуправления, приоритетных направлений поддержки или принципов законодательства, положений о дополнительной поддержке. В некоторых нормативных актах содержатся отдельные статьи или главы, посвященные физическому воспитанию и развитию физической культуры и спорта в образовательных организациях, а также посвященные адаптивной физической культуре. Наиболее развернуто отражены положения о детско-юношеском, студенческом и адаптивном спорте в соответствующих законах города Москвы, республики Саха (Якутия), Свердловской области, Омской области, Новосибирской области. Наименьший объем правовой регламентации исследованный вопрос получил в законе Самарской области. Также в статье приводятся результаты выборочной экспертизы нормативных актов автономных сообществ Испании и нормативных актов некоторых штатов США. По результатам экспертизы сформулированы рекомендации по дальнейшему совершенствованию российского регионального законодательства в исследованной сфере. В частности, рекомендовано формулировать и закреплять нормы, обусловленные особенностями конкретного региона, включать в текст законов положения о конкретных мерах, в частности о развитии спортивной инфраструктуры, об использовании возможностей института социального партнерства, включать положения, направленные на формирование положительного отношения к здоровому образу жизни и спорту с раннего возраста, толерантному отношению к спортсменам с особенностями здоровья.

Ключевые слова: детско-юношеский спорт, адаптивный спорт, студенческий спорт, региональное законодательство, экспертиза нормативных актов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00053 А «Правовое регулирование спортивных отношений в Российской Федерации» / «Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00053 А «Legal regulation of sports relations in the Russian Federation».

On the Results of the Expertise of Normative Acts of the Regions of the Russian Federation and Foreign Countries to Identify the Best Practices of Legal Regulation of Children and Youth, Student and Adaptive Sports

Kovalenko E. Y., Tydykova N.V., Shavandina O.A.

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹ekov@mail.ru; ²academnauka@rambler.ru,
³shao07@rambler.ru

The article describes the results of the expertise of normative acts of 22 regions of Russia, carried out by the authors in order to identify the best practices of legal regulation of children and youth, student and adaptive sports. The analysis of the listed normative acts has showed that the provisions on youth, student and adaptive sports were reflected through the consolidation of the relevant norms as the powers of the authorities of the subjects, the powers of local governments, priority areas of support or principles of legislation, provisions on additional support. Some normative acts contain separate articles or chapters devoted to physical education and the development of physical culture and sports in educational organizations, as well as devoted to adaptive physical culture. The provisions on children and youth, student and adaptive sports are most extensively reflected in the corresponding laws of the city of Moscow, the Republic of Sakha (Yakutia), Sverdlovsk Oblast, Omsk Oblast, Novosibirsk Oblast. The studied issue has received the smallest amount of legal regulation in the law of Samara Oblast. The article also provides the results of a selective expertise of the regulations of the autonomous communities of Spain and the regulations of some US states. Based on the results of the expertise, recommendations have been formulated for the further improvement of the Russian regional legislation in the studied field. In particular, it has been recommended to formulate and consolidate the norms determined by the characteristics of a particular region, to include them in the text of law provisions on specific measures, in particular, on the development of sports infrastructure, using the possibilities of the institution of social partnership, to include provisions aimed at creating a positive attitude towards a healthy lifestyle and sports from an early age, tolerant attitude towards physically impaired athletes.

Key words: youth sports, adaptive sports, student sports, regional legislation, expertise of normative acts.

Статья 3 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ одним из принципов законодательства о физической культуре и спорте называет содействие развитию детско-юношеского спорта, школьного спорта и студенческого спорта. Адаптивной физической культуре и спорту инвалидов в последние время в РФ уделяется все больше внимания, в вышеназванном законе статья 31 содержит соответствующие положения. Практическую реализацию заявленные положения должны получать, в том числе, на региональном уровне. Однако в литературе отмечается, что не во всех регионах данное направление развивается на достаточном уровне, в некоторых регионах ощущается недостаточность спортивных объектов, обеспеченных инфраструктурой для людей с ограниченными возможностями здоровья, а отсутствие специально оборудованных спортивных сооружений не позволяет проводить полноценные тренировочные занятия и соревнования для инвалидов [Блажеев и др. 2016]. Аналогичные проблемы выявляются и в ходе исследований проблем развития детско-юношеского и студенческого спорта в регионах России [Бобровский 2017; Квашук, Грачев, Маслова 2011; Двейрина, Терехина, Винер-Усманова 2020]. Также ранее проведенный анализ регионального законодательства о физической культуре и спорте в РФ показал ряд проблем технико-юридического характера [Коваленко, Тыдыкова, Шавандина 2020].

Для оценки уровня правовой регламентации заявленных вопросов в региональном законодательстве нами была проведена выборочная экспертиза следующих нормативных актов регионов РФ: Закон Алтайского края от 11 сентября 2008 г. N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае»; Закон Республики Алтай от 25 сентября 2008 года N 81-РЗ «О физической культуре и спорте в Республике Алтай»; Закон Новосибирской области от 04 декабря 2008 года N 285-ОЗ «О физической культуре и спорте в Новосибирской области»; Закон Кемеровской области от 25 апреля 2008 года N 30-ОЗ «О физической культуре и спорте»; Закон Томской области от 7 июня 2010 года N 94-ОЗ «О физической культуре и спорте в Томской области»; Закон Омской области от 24 июля 2008 года N 1070-ОЗ «О физической культуре и спорте в Омской области»; Закон Красноярского края от 21 декабря 2010 года N 11-5566 «О физической культуре и спорте в Красноярском крае»; Закон Свердловской области от 16 июля 2012 года N 70-ОЗ «О физической культуре и спорте в Свердловской области»; Закон Московской области от 27 декабря 2008 года N

226/2008-ОЗ «О физической культуре и спорте в Московской области»; Закон города Москвы от 15 июля 2009 года N 27 «О физической культуре и спорте в городе Москве»; Закон Ленинградской области от 30 декабря 2009 г. № 118-ОЗ «О физической культуре и спорте в Ленинградской области»; Закон Краснодарского края от 10 мая 2011 года N 2223-КЗ «О физической культуре и спорте в Краснодарском крае»; Закон Еврейской Автономной области от 30 марта 2020 года N 537-ОЗ «Об отдельных вопросах в области физической культуры и спорта в Еврейской автономной области»; Закон Республики Саха (Якутия) от 18 июня 2009 года 696-З N 327-IV «О физической культуре и спорте в Республике Саха (Якутия)»; Закон Республики Татарстан от 8 октября 2008 года N 99-ЗРТ «О физической культуре и спорте»; Закон Самарской области от 8 декабря 2014 года N 123-ГД «О физической культуре и спорте в Самарской области»; Закон Республики Башкортостан от 24 ноября 2008 года N 68-з «О физической культуре и спорте в Республике Башкортостан»; Закон Ростовской Области от 29 июля 2009 года N 263-ЗС «О физической культуре и спорте в Ростовской области»; Закон Челябинской Области от 12 ноября 2008 года N 320-ЗО «О физической культуре и спорте в Челябинской области»; Закон Ставропольского Края от 23 июня 2016 года N 59-кз «О физической культуре и спорте в Ставропольском крае»; Закон Республики Дагестан от 2 февраля 2010 года N 5 «О физической культуре и спорте в Республике Дагестан»; Закон Воронежской Области от 2 июля 2008 года N 57-ОЗ «О физической культуре и спорте в Воронежской области».

Анализ перечисленных нормативных актов показал, что положения о детско-юношеском, студенческом и адаптивном спорте нашли отражение через закрепление соответствующих норм в различном качестве.

1) Полномочий органов власти субъектов:

- ст. 4 Закона Алтайского края к полномочиям Правительства Алтайского края в области физической культуры и спорта относит участие в подготовке программ развития видов спорта в РФ в части включения в них мероприятий по развитию детско-юношеского спорта, школьного спорта, спорта инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья; развитие детско-юношеского спорта в целях создания условий для подготовки спортивных сборных команд и спортивного резерва для спортивных сборных команд Алтайского края; реализацию мер по развитию физической культуры и спорта инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья, адаптивной физической культуры и адаптивного спорта;

- ст. 6 Закона Новосибирской области к полномочиям Правительства Новосибирской области в сфере физической культуры и спорта относит развитие детско-юношеского спорта в целях создания условий для подготовки спортивных сборных команд и спортивного резерва для спортивных сборных команд Новосибирской области.

Аналогичные положения содержатся в Законах: Республики Алтай, Кемеровской области, Томской области, Омской области, Свердловской области, Московской области, Ленинградской области, города Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Еврейского автономного округа, республики Саха (Якутия), Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Ростовской области, Челябинской области, Ставропольского края, Республики Дагестан, Воронежской области.

2) Полномочий органов местного самоуправления:

- ст. 5 Закона Алтайского края к полномочиям органов местного самоуправления Алтайского края в области физической культуры и спорта относит развитие детско-юношеского спорта и школьного спорта на территориях муниципальных образований; содействие развитию физической культуры и спорта инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья, адаптивной физической культуры и адаптивного спорта;

- ст. 5 Закона Свердловской области к полномочиям органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, в сфере физической культуры и спорта, в частности, относит развитие детско-юношеского спорта и школьного спорта на территориях муниципальных образований; содействие развитию физической культуры и спорта инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья, адаптивной физической культуры и адаптивного спорта.

Аналогичные положения содержатся в законах: города Санкт-Петербурга, Республики Саха (Якутия), Республики Башкортостан.

3) Приоритетных направлений поддержки, принципов:

- ст. 6 Закона Алтайского края приоритетными направлениями государственной поддержки развития физической культуры и спорта в Алтайском крае называет физкультурно-оздоровительную работу с различными категориями населения Алтайского края, в том числе с детьми и подростками, обучающимися в образовательных организациях, инвалидами, развитие детско-юношеского спорта;

- ст. 2 Закона Кемеровской области одним из принципов осуществления государственной политики в области физической культуры и спорта в Кемеровской области называет развитие детско-юношеского спорта.

Аналогичные положения содержатся в законах: Новосибирской области, Свердловской области, города Москвы, Еврейской автономной области, Республики Саха (Якутия), Республики Татарстан, Ростовской области, Ставропольского края, Республики Дагестан, Воронежской области.

4) Отдельных статей, посвященных физическому воспитанию и развитию физической культуры и спорта в образовательных организациях:

- ст. 10 Закона Алтайского края задачами физического воспитания в образовательных организациях всех типов называет сохранение и укрепление здоровья детей дошкольного возраста, учащихся и студентов, формирование у них потребности в физическом совершенствовании, здоровом образе жизни. Закрепляет, что физическое воспитание осуществляется в процессе учебных занятий по физической культуре, а также дополнительных внеклассных и внешкольных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий. Содержит положение о том, что образовательные организации с учетом местных условий и интересов учащихся определяют формы занятий

физической культурой и средства физического воспитания, виды спорта и двигательной активности, методы и продолжительность занятий на основе государственных образовательных стандартов и нормативов физической подготовленности;

- ст. 10 Закона Новосибирской области содержит положение о том, что образовательные организации Новосибирской области с учетом местных условий и интересов обучающихся самостоятельно определяют формы занятий физической культурой, средства физического воспитания, виды спорта и двигательной активности, методы и продолжительность занятий физической культурой на основе федеральных государственных образовательных стандартов и нормативов физической подготовленности. Организация физического воспитания и образования в образовательных организациях включает в себя: проведение обязательных занятий; обеспечение спортивным инвентарем и оборудованием; формирование у обучающихся навыков физической культуры с учетом индивидуальных способностей и состояния здоровья, создание условий для вовлечения обучающихся в занятия физической культурой и спортом; осуществление физкультурных мероприятий во время учебных занятий; проведение медицинского контроля за организацией физического воспитания; формирование ответственного отношения родителей к здоровью детей и их физическому воспитанию; проведение ежегодного мониторинга физической подготовленности и физического развития обучающихся; содействие организации и проведению спортивных мероприятий с участием обучающихся; содействие развитию и популяризации школьного спорта и студенческого спорта; участие обучающихся в международных спортивных мероприятиях, в том числе во Всемирных универсиадах и официальных спортивных соревнованиях;

- ст. 13 Закона Свердловской области содержит положения, аналогичные вышеприведенным, а также закрепляет, что в целях вовлечения обучающихся в занятия физической культурой и спортом, развития и популяризации школьного спорта, студенческого спорта образовательными организациями, реализующими образовательные программы начального общего, основного общего, среднего общего образования, среднего профессионального и высшего образования, и (или) обучающимися таких организаций, в соответствии с федеральным законом могут создаваться школьные спортивные клубы и студенческие спортивные клубы (в том числе в виде общественных объединений), не являющиеся юридическими лицами.

Отдельно содержатся положения об адаптивной физической культуре обучающихся.

Аналогичные положения содержатся в Законах: Томской области, республики Саха (Якутия), Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Ставропольского Края, Республики Дагестан.

5) Отдельных статей, посвященных адаптивной физической культуре:

- ст. 13 Закона Томской области закрепляет, что физкультурно-оздоровительная и спортивная работа с инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья осуществляется образовательными организациями, учреждениями здравоохранения, учреждениями социальной защиты населения и физкультурно-спортивными организациями в рамках реабилитации инвалидов (в том числе детей с ограниченными возможностями здоровья) на основе профессиональной подготовки социальных работников, специалистов по адаптивной физической культуре, методического, медицинского обеспечения и под врачебным контролем. Для развития физической культуры и спорта инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья, адаптивной физической культуры и адаптивного спорта предложены следующие меры: создание соответствующих условий для беспрепятственного доступа к спортивным сооружениям и занятий физической культурой и спортом на спортивных сооружениях и в местах массового отдыха для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья; оснащение спортивных сооружений специализированным инвентарем и оборудованием для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья; разработка и издание специализированных методик и программ физкультурно-оздоровительной и спортивной работы с инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья; подготовка спортсменов-инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья к участию в спортивных соревнованиях различного ранга. Закрепляется, что уполномоченный исполнительный орган государственной власти Томской области в сфере физической культуры и спорта совместно с физкультурно-спортивными организациями инвалидов проводит физкультурные и спортивные мероприятия для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также принимает участие в организации подготовки спортсменов-инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья и обеспечении направления их на спортивные мероприятия. Координацию деятельности по вопросам развития физической культуры и спорта инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья, адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в Томской области осуществляет Совет по делам инвалидов при Губернаторе Томской области по делам инвалидов, в состав которого входят представители уполномоченных исполнительных органов государственной власти Томской области в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты, физической культуры и спорта и других заинтересованных организаций.

- ст. 16 Закона Омской области содержит положение о том, что физическая реабилитация и социальная адаптация инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья с использованием методов адаптивной физической культуры и адаптивного спорта осуществляются в реабилитационных центрах, физкультурно-спортивных клубах инвалидов, физкультурно-спортивных организациях. Адаптивная физическая культура является частью физической культуры, использующей комплекс эффективных средств физической реабилитации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Спорт инвалидов (адаптивный спорт) направлен на социальную адаптацию и физическую реабилитацию инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Развитие спорта инвалидов и лиц с ограниченными

возможностями здоровья основывается на принципах приоритетности, массового распространения и доступности занятий спортом.

Для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, обучающихся в соответствующих образовательных организациях, организуются занятия с использованием средств адаптивной физической культуры и адаптивного спорта с учетом индивидуальных способностей и состояния здоровья таких обучающихся.

Аналогичные положения содержатся в Законах: Новосибирской области, города Москвы, Краснодарского края, Республики Саха (Якутия), Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Ростовской Области, Ставропольского Края, Республики Дагестан.

6) Отдельных статей, закрепляющих положения о дополнительной поддержке:

- ст. 13 Закона Омской области содержит положения о том, что спортсмены не младше 14 лет, представляющие регион и выступающие на официальных спортивных соревнованиях в составе олимпийской, паралимпийской, сурдлимпийской команды России, спортивных сборных команд Российской Федерации или края, а равно подготовивший соответствующего спортсмена (группу спортсменов, спортивную команду), представляющих край, получают единовременное вознаграждение;

- ст. 29 Закона города Москвы предусматривает ряд льгот для детей из многодетных и малообеспеченных семей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

7) Отдельных статей, закрепляющих понятийный аппарат:

- ст. 2 Закона Свердловской области закрепляет понятие детско-юношеского спорта;

- ст. 2 Закона Республики Саха (Якутия) содержит аналогичное положение. В ней же дано понятие физической реабилитации.

8) Отдельных глав, посвященных развитию детско-юношеского спорта, школьного, студенческого и молодежного.

- Глава 4 Закона города Москвы содержит ряд статей об особенностях системы спортивной подготовки в городе Москве, о развитии детско-юношеского спорта, школьного спорта, студенческого спорта и молодежного спорта. Обращает на себя внимание разграничение детско-юношеского, школьного, студенческого и молодежного спорта.

Аналогичный подход используется в Законе Свердловской области.

Таким образом, наиболее развернуто отражены положения о детско-юношеском, студенческом и адаптивном спорте в соответствующих законах города Москвы, Республики Саха (Якутия), Свердловской области, Омской области, Новосибирской области. Наименьший объем правовой регламентации исследованный вопрос получил в законе Самарской области.

Также нами была проведена выборочная экспертиза нормативных актов автономных сообществ Испании: Закон Андалусии от 14 декабря 1998 г. № 6/1998 «О спорте»; Закон Валенсии от 12 мая 2006 г. № 3/2006 «О создании Совета по спорту Валенсии»; Закон Каталонии от 23 апреля 2008 г. № 3/2008 «О профессиональном занятии спортом»; Закон Мурсии от 12 июля 2000 г. № 2/2000 «О спорте в области Мурсия»; Закон Страны Басков от 10 ноября 1995 г. № 4/1995 «Об общественных развлечениях и досуге»; Декрет от 30 апреля 2003 г. № 29/2003 «О спортивных федерациях Астурии»; Декрет от 28 января 2005 г. № 2/2005 «О технических и санитарных правилах плавательных бассейнов и водных сооружений автономного сообщества Риоха».

Выявлены особенности, которые могут быть заимствованы в качестве положительного опыта в региональном законодательстве РФ: принцип взаимного сотрудничества между государственным и частным секторами, солидарная ответственность этих секторов за воспроизводство, продвижение и развитие спортивной деятельности; развитие и детальная регламентация массового спорта [Зотова 2021]; развитие национальных видов спорта; связанность спорта и благотворительности; стимулирование здорового образа жизни.

Была проведена выборочная экспертиза нормативных актов некоторых штатов США: Титул 5 «Развлечения и спорт» Свода законов штата Аляска; Титул 5 «Развлечения и спорт» Обновленного свода законов штата Аризона; Правила штата Аризона об охоте и рыболовстве 2010 г.; Закон штата Аризона об азартных играх; Титул 67 «Спорт и отдых – обустройство» Свода законов штата Вашингтон; Титул 28 «Спорт и развлечения» Свода законов штата Делавэр; Титул 8 «Развлечения и спорт» Свода законов штата Мэн; Титул 41 «Азартные игры, лошадиные бега, спортивные мероприятия» Обновленного свода законов штата Невада; Титул 5 «Атлетика и спорт» Свода законов штата Пенсильвания; Титул 53 «Спорт и развлечения» Свода законов штата Северная Дакота; Титул 13 «Спорт, развлечения и увеселительные мероприятия» Кодекса о профессиональной деятельности Свода законов штата Техас.

Выявлены особенности, которые могут быть заимствованы в качестве положительного опыта в региональном законодательстве РФ: высокая детализация положений законодательства, отсутствие положений общего характера; урегулированность узких вопросов (например, спортивного рыболовства, шоссейных гонок, страхования при проведении спортивных соревнований и др.); наличие норм о толерантности и недопустимости дискриминации отдельных категорий; свобода штатов в принятии решений [Соловьев А.А., Понкин 2012; Соловьев 2011].

Таким образом, по результатам проведенной экспертизы при разработке положений о детско-юношеском, студенческом и адаптивном спорте в соответствующих законах регионов РФ можно рекомендовать:

- формулировать конкретные полномочия органов власти субъектов и органов местного самоуправления, позволяющие осуществлять контроль их фактического осуществления;

- поддержку и развитие детско-юношеского, студенческого и адаптивного спорта закреплять в качестве приоритетных направлений или принципов. Включать в текст законов положения о конкретных мерах, в частности, о развитии спортивной инфраструктуры с учетом соблюдения требований по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья к объектам спорта, предусмотреть отдельные

положения для детско-юношеского, школьного, студенческого и молодежного спорта, использовать возможности института социального партнерства и закреплять положения по стимулированию его развития;

- включать в текст законов отдельные статьи или главы, посвященные физическому воспитанию и развитию физической культуры и спорта в образовательных организациях, адаптивному спорту, в том числе об адаптивной физической культуре обучающихся с перечислением конкретных мер;
- предусматривать положения о дополнительной поддержке детско-юношеского, студенческого и адаптивного спорта, в частности, путем предоставления льгот, субсидий, субвенций;
- включать в текст законов нормы, содержащие необходимый понятийный аппарат;
- избегать копирования норм федерального законодательства;
- формулировать и закреплять нормы, обусловленные особенностями конкретного региона;
- включать положения, направленные на формирование положительного отношения к здоровому образу жизни и спорту с раннего возраста, толерантному отношению к спортсменам с особенностями здоровья.

Литература

- Блажиев В.В., Байрамов В.М. [и др.] Спортивное право России: учебник для магистров (отв. ред. Д.И. Рогачёв). М., 2016. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57244712/paragraph/1309/doclist/2395/showentries/0/highlight/блажиев:3>.
- Бобровский Е.А. Состояние массового спорта в регионах ЦФО / Карельский научный журнал. – 2017. – № 3 (20). – С. 145-148.
- Квашук П.В., Грачев Н.П., Маслова И.Н. Совершенствование управления развитием детско-юношеского спорта в России / Научно-теоретический журнал «Ученые записки». – 2011. – № 5(75). – С. 64-68.
- Двейрина О.А., Терехина Р.Н., Винер-Усманова И.А. О концепции развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации / Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 9 (187). – С. 77-84.
- Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В., Шавандина О.А. О соблюдении правил законодательной техники при создании нормативных актов Алтайского края в области физической культуры и спорта / Юрислингвистика. – 2020. – №18 (29). – С. 8-11.
- Зотова Е.П. Организация массовых благотворительных забегов в Испании / Актуальные проблемы спортивного права: российский и зарубежный опыт: сборник материалов Всероссийского круглого стола (с международным участием). Барнаул, 2021. С. 64-77.
- Соловьев А.А., Понкин И.В. Законодательство штата Техас о спорте. М., 2012.
- Соловьев А.А. Аризонская модель систематизации спортивного законодательства / Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2011. – №3. – С. 124-130.

References

- Blazheev, V.V., Bayramov, V.M. [and others]. (2016). Sports law of Russia: a textbook for masters (editor-in-chief DI Rogachev). Moscow. Available from: <https://internet.garant.ru/#/document/57244712/paragraph/1309/doclist/2395/showentries/0/highlight/blazheev:3> (in Russian).
- Bobrovsky, E.A. (2017). The state of mass sports in the regions of the Central Federal District. Karelian scientific journal, 3 (20), 145-148 (in Russian).
- Dveirina, O.A., Terekhina, R.N., Viner-Usmanova, I.A. (2020). About the concept of development of youth sports in the Russian Federation. Scientific Notes of the University. P.F. Lesgaft, 9 (187), 77-84 (in Russian).
- Kovalenko, E.Yu., Tydykova, N.V., Shavandina, O.A. (2020). On observance of the rules of legislative technique when creating normative acts of the Altai Territory in the field of physical culture and sports. Jurislinguistics, 18 (29), 8-11 (in Russian).
- Kvashuk, P.V., Grachev, N.P., Maslova, I.N. (2011). Improving the management of the development of children and youth sports in Russia. Scientific and theoretical journal "Scientific Notes", 5 (75), 64-68 (in Russian).
- Soloviev, A. A. (2011). Arizona model of systematization of sports legislation. Bulletin of RUDN. Series "Legal Sciences", 3, 124-130 (in Russian).
- Soloviev, A.A., Ponkin, I.V. (2012). Texas Sports Law. Moscow (in Russian).
- Zotova, E.P. (2021). Organization of mass charitable races in Spain. Actual problems of sports law: Russian and foreign experience: collection of materials of the All-Russian round table (with international participation). Barnaul, 64-77 (in Russian).

Citation:

- Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В., Шавандина О.А. О понятиях, используемых в спортивном праве // Юрислингвистика. – 2021. – 22. – 18-23.
- Kovalenko, E. Y., Tydykova, N.V. Shavandina, O.A. (2021). On the Results of the Expertise of Normative Acts of the Regions of the Russian Federation and Foreign Countries to Identify the Best Practices of Legal Regulation of Children and Youth, Student and Adaptive Sports. Legal Linguistics, 22, 18-23.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие «права женщин» и конституционная свобода труда: терминологические уточнения и проблемы реализации

А.В. Головинов¹, Ю.В. Головинова²

¹Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

Публикация направлена на определение сущности понятия «права женщин». В статье показано, что в системе нормативно-правовых актов России широко применяется понятие «права женщин». Отечественный законодатель, решительно выступая против гендерной асимметрии, под правами женщин понимает систему неотъемлемых и неотчуждаемых прав, свобод и обязанностей для каждой женщины, девочки, девушки независимо от ее возраста, гражданства, расы, этнической или религиозной принадлежности.

Оперируя герменевтическим инструментарием, авторы предпринимая попытку показать содержание и проблемы реализации трудовых прав представительниц женского пола. В статье акцентируется, что сегрегация по горизонтали складывается под воздействием множества факторов, обусловленных ментальностью и предпочтительностью различных видов деятельности для мужчин и женщин. В конечном счете, представительницам женского пола в целом достаются рабочие места, приносящие меньший доход.

Авторами установлено, что проблемами в России являются разделение профессий на «мужские» и «женские», что влечет за собой разную оплату труда; феминизация бедности и безработицы; горизонтальная профессиональная мобильность для женщин. Объектом правосудия, в частности конституционного правосудия в Российской Федерации, все чаще становятся обращения, связанные с нарушением социально-экономических прав женщин, реализацией в трудовой сфере.

Ключевые слова: права женщин, гендерное равенство, дискриминация, свобода труда.

The Concept of "Women's Rights" and Constitutional Freedom of Labor: Terminology Clarifications and Implementation Problems

A. Golovinov¹, Yu. Golovinova²

¹Altai State University
61 Lenin str., Barnaul, Russia, 656049. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²Altai State Pedagogical University
55 Molodezhnaya str., Barnaul, Russia, 656035. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

The publication is aimed at defining the essence of the concept of "women's rights". The article shows that the concept of "women's rights" is widely used in the system of normative legal acts in Russia. The domestic legislator, resolutely opposing gender asymmetry, understands the rights of women as a system of integral and inalienable rights, freedoms and obligations for every woman, girl, adolescent girl, regardless of her age, citizenship, race, ethnic or religious affiliation.

Using hermeneutic tools, an attempt is made to show the content and problems of the implementation of the labor rights of females. The article emphasizes that horizontal segregation develops under the influence of many factors due to the mentality and preference of various types of activities for men and women. Ultimately, women in general end up with lower income jobs.

The authors found that the problems in Russia are the separation of professions into "male" and "female", which entails different wages; the feminization of poverty and unemployment; horizontal professional mobility for women. The increasing number of appeals associated with the violation of the socio-economic rights of women and their making the most of their labor potential become the subject of justice, in particular of constitutional justice in the Russian Federation.

Key words: women's rights, gender equality, discrimination, freedom of labor.

Проблематика прав женщин последние семьдесят лет является актуальной как для всего мирового сообщества, так и для отечественного государства. В различных нормативных актах употребляются термины «права женщин», «гендерное равенство», «гендерное неравенство», «дискриминация». В данной статье речь пойдет именно о правах женщины как о правовой дефиниции, закрепленной в многочисленных нормативных источниках.

Обращает на себя внимание, что категория «женские права» в действующих актах Российской Федерации и международно-правовых источниках рассматривается во взаимосвязи с термином «равенство полов». Термин «гендерное неравенство» в этом случае отечественным законодателем практически не используется, так как это категория критической теории о встроеном в обществе неравенстве мужчин и женщин, проявляющемся на уровне семьи, работы, политики, искусства и т. д.

Единое мнение относительно определения «права женщин» (девочек, девушек) и «гендерного равенства» не закреплено на универсальном уровне, и исходя из положений отечественного права, под гендерным равенством следует понимать закрепление и реализацию равных прав, свобод, обязанностей и возможностей мужчин и женщин во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Авторы придерживаются позиции, согласно которой сегодня права человека и гражданина не имеют ярко выраженной гендерной асимметрии, это характерно для всех прав, закрепленных в Конституции России.

Конституционная норма равноправия мужчин и женщин полностью соответствует универсальным международным стандартам, например — Конвенции о политических правах женщин, которая вступила в силу 7 июля 1954 г., Пакту от 16 декабря 1966 г. о гражданских и политических правах. В Конвенции закреплялось право женщин голосовать, быть избранными, занимать должности на общественно-государственной службе без всякой дискриминации и на равных с мужчинами условиями. Ст. 32 Конституции России соответствует ст. 1–3 Конвенции о политических правах женщин, ст. 25 Пакта о гражданских и политических правах. В соответствии с ней каждый гражданин имеет право и возможность участвовать в управлении делами государства, избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления, имеет равный доступ к государственной службе.

Кроме того, категория «права женщин» в различных сферах жизнедеятельности закреплена в Конвенции ООН о дискриминации в области труда и занятий 1960 г. и Декларации ООН об искоренении насилия в отношении женщин 1993 г., Факультативном протоколе к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1999 г.

Вместе с тем документы ООН в отношении женщин, подобно большинству других международно-правовых актов о правах человека, не принадлежат к числу самоисполняемых – их применение предполагает наличие или издание соответствующего конкретизирующего акта национального законодательства. Российская Федерация, ратифицировав международные правозащитные соглашения, поддерживает направление государственной политики по созданию политических, правовых, социальных условий, обеспечивающих подлинное равноправие мужчин и женщин. Соответственно содержание понятия «права женщин» в российском законодательстве будет идентично международным правовым актам.

Необходимым считаем отметить, что в юридическом сообществе стало использоваться понятие «женское право». Федеральный союз адвокатов России в ноябре 2019 г. учредил крупный проект с емким названием «Женское право».

При семантическом и герменевтическом анализе этой дефиниции можно усмотреть его когерентность понятию «права женщин». Данный проект реализуется узкопрофильными семейными адвокатами безвозмездно и направлен на юридическое просвещение женщин и их родственников с целью профилактики нарушения их прав и защиты от возможных нарушений прав семьи, женщин и детей. Как видно из задач данного проекта, категория «права женщин» тесно связана с социальной сферой.

Как видим, осуществление скромной попытки анализа понятия «права женщин» в системе нормативных актов России показывает, что законодательство РФ не содержит норм, ущемляющих права женщин.

Однако мониторинг соблюдения прав человека позволяет говорить об имеющихся место незначительных нарушениях прав граждан, наличии фактической дискриминации в сфере трудовых отношений. Наиболее острыми проблемами для современного российского рынка труда является нестабильность занятости и угроза безработицы. [Поленина 2014]. Справедливости ради заметим, что это касается не только прав женщин, но и прав мужчин.

В настоящее время женщины, как правило, обладают низкой конкурентоспособностью на рынке труда по сравнению с мужчинами. Согласно статистике по Алтайскому краю, количество женщин, официально зарегистрированных в качестве безработных, составляет 70-78% от общей численности безработных. Это свидетельствует о том, что мужчинам легче найти работу, чем женщинам. Более того, среди женщин-безработных каждая третья имеет рабочую специальность, каждая пятая занимала ранее должность служащего, а почти половина ранее нигде не работала, и все они оказываются невостребованными на рынке труда.

Женщины, имеющие малолетних детей, особенно часто получают от работодателей отказы в приеме на работу. Молодым мамам также очень сложно найти свое место на рынке труда.

Как видим по статистическим данным, в целом средний заработок работников женского пола по стране значительно ниже средних заработных плат работников-мужчин. Многие факторы лежат в основе такого разрыва, но прежде всего – представленность женщин и мужчин в многообразных областях занятости и труда.

Разница сфер трудовой занятости женщин и мужчин устойчиво сохраняется, и мобильность разных представителей полов на рынке труда ситуацию не выравнивает. Женщины в основном перемещаются между типично женскими местами работы, а мужчины, соответственно, двигаются среди мужских вакансий. Такая сегрегация по горизонтали складывается под воздействием множества факторов, обусловленных ментальностью и предпочтительностью различных видов деятельности для мужчин и женщин. В конечном счете, представительницам женского пола в целом достаются рабочие места, приносящие меньший доход [Максимов 2012].

Однако если дискриминация прав женщин в российском законодательстве носит латентный характер, то социальные права мужчин имеют явные ограничения. Ярким примером тому служит дело капитана Константина Маркина против России. Поводом для обращения К. Маркина в Конституционный Суд РФ послужил отказ как командования воинской части, в которой осуществлял службу истец, так и военных судов предоставить ему отпуск по уходу за новорожденным малышом, так как закон четко предписывает, что такое право предоставляется только женщинам-военнослужащим [Собрание законодательства 2000]. Конституционный Суд в своем определении постановил, что оспариваемые Маркиным нормативные положения Конституции РФ не нарушают [Российская газета 1995]. Это послужило поводом для обращения последнего в Европейский Суд по правам человека.

В своем постановлении «Константин Маркин против России» от 7 октября 2010 года Европейский Суд по правам человека посчитал недостаточными доводы Конституционного суда. Также ЕСПЧ определил, что мотивы Конституционного Суда недостаточны для наложения более серьезных ограничений на мужчин военнослужащих, чем на военнослужащих женского пола. В итоге международный суд в деле Маркина усмотрел явное нарушение Российской Федерацией ст. 8 («право на частную жизнь») и ст. 14 («запрет дискриминации») Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Чуть позднее, в марте 2012 года, Страсбургский суд данное решение не поменял. Все возражения Российской Федерации были отклонены, и суд постановил, что Маркину полагается дополнительная материальная компенсация за нанесенный ему ущерб морального характера [Case of Konstantin Markin 2012]. Однако в настоящее время финальной точкой в этом деле является постановление Конституционного Суда № 27-П от 6 декабря 2013 г., так и не согласившегося с постановлением ЕСПЧ о нарушении конституционных прав Маркина.

Основное количество спорных ситуаций вызывают статьи законодательства о труде, в частности Трудового кодекса РФ, связанные с процедурой увольнения беременной работницы (ст. 261). Так, в 2008 г. в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой обратилась гражданка Е.А. Мильчакова. Ранее гражданка обращалась в суд с иском о восстановлении на работе и выплате заработной платы за время вынужденного прогула, так как, будучи беременной, была уволена с работы. Суд установил, что истица отсутствовала на работе в течение пяти дней без предоставления работодателю больничного листа и вследствие этого была уволена за прогул.

Вполне очевидно, что объектом правосудия в России все чаще становятся обращения граждан по вопросам нарушения их прав в области трудовых отношений. Большинство дел с нарушением трудовых прав связано с нарушением прав беременных женщин и женщин, имеющих детей. Казалось бы, данная категория лиц – участниц трудовых отношений, достаточно защищена государством – законодательство о труде четко регламентирует порядок предоставления гарантий при заключении и расторжении трудового договора, право на необходимые отпуска, рабочее время, переводы на другую работу. Подобная детальная регламентация труда женщин, преследующая в первую очередь превентивные цели – недопущение возникновения разночтений в норме трудового законодательства в будущем, на сегодняшний день порождает спорные ситуации, что приводит к обращению женщин в суд за отстаиванием своих трудовых прав.

Итак, в системе нормативно-правовых актов России широко применяется понятие «права женщин». Отечественный законодатель, решительно выступая против гендерной асимметрии, под правами женщин понимает систему неотъемлемых и неотчуждаемых прав, свобод и обязанностей для каждой женщины, девочки, девушки, независимо от ее гражданства, возраста, расы, этнической или религиозной принадлежности.

Вместе с тем проблемами в России являются разделение профессий на «мужские» и «женские», что влечет за собой разную оплату труда; феминизация бедности и безработицы; горизонтальная профессиональная мобильность

для женщин. Объектом правосудия, в частности конституционного правосудия в Российской Федерации, все чаще становятся обращения, связанные с нарушением социально-экономических прав женщин, реализацией в трудовой сфере.

Литература

Максимов А.А. Соотношение понятий гендерного равенства и гендерного равноправия / Грамота. – 2012. – № 9 (23). – Ч. 1. – С.126-129.

Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин: постановление Правительства РФ от 25.02. 2000 г. № 162 / Собрание законодательства РФ. 06.03.2000. № 10. Ст. 1130.

О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: федеральный закон от 19.05. 1995 №81-ФЗ (ред. от 08.06.2021) / Российская газета. № 99. 24.05.1995.

Поленина С.В. Тенденции и перспективы демократизации правотворчества в свете соотношения гендерной политики и патриархальной практики в Российской Федерации / Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 337-341.

Case of Konstantin Markin v. Russia (Application no. 30078/06) / European court of human rights. Grand Chamber. Strasbourg, 22 March 2012. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-109868>

References

Case of Konstantin Markin v. Russia (Application no. 30078/06). European court of human rights. Grand Chamber. Strasbourg, 22 March 2012. Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-109868>

Collection of the legislation of the Russian Federation. 03/06/2000, 10, 1130 (in Russian).

Maksimov, A.A. (2012). Correlation of the concepts of gender equality and gender equality. Literature, 9 (23), 1, 126-129 (in Russian).

On state benefits to citizens with children: federal law of 19.05. 1995 No. 81-FZ (as amended on 06/08/2021). Rossiyskaya Gazeta, 99, 24.05.1995 (in Russian).

On the approval of the list of heavy work and work with harmful or hazardous working conditions, during which the employment of women is prohibited: Resolution of the Government of the Russian Federation of 25.02. 2000 No. 162.

Polenina, S.V. (2014). Trends and prospects for democratization of lawmaking in the light of the relationship between gender policy and patriarchal practice in the Russian Federation. Legal technology, 8, 337-341 (in Russian).

Citation:

Головинов А. В. Головинова Ю. В. Понятие «права женщин» и конституционная свобода труда: терминологические уточнения и проблемы реализации // Юрислингвистика. – 2021. – 22. – 24-27.

Golovinov, A. V. Golovinova, Yu. V. (2021). The Concept of "Women's Rights" and Constitutional Freedom of Labor: Terminology Clarifications and Implementation Problems. Legal Linguistics, 22, 24-27.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Терминологический анализ категорий «несостоятельность» и «банкротство»: уголовно- правовой аспект

А. А. Коренная

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: lawer_ann@mail.ru*

В мае 2021 г. Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении принят законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части реформирования института банкротства). Указанным законопроектом предусмотрена дифференциация понятий «несостоятельность» и «банкротство». Проанализировав предложенные изменения, автор работы пришел к выводу, что разграничение рассматриваемых понятий основано на содержании экономической категории «несостоятельность» и является оправданным, однако требует безусловного изменения уголовного закона об ответственности за преступления в сфере несостоятельности (банкротства) и унификации содержащихся в них терминов с регулятивным законодательством.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, неправомерные действия при банкротстве, уголовная ответственность.

Terminology Analysis of the Categories "Insolvency" and "Bankruptcy": criminal law aspect

Korennaya A. A.

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: lawer_ann@mail.ru*

In May 2021, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation adopted in the first reading a draft law On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (in terms of reforming the institution of bankruptcy). This draft law provides for the differentiation of the concepts of "insolvency" and "bankruptcy". After analyzing the proposed changes, the author of the work came to the conclusion that the differentiation of the concepts under consideration is based on the content of the economic category and is justified, but requires an unconditional change in the criminal law on liability for crimes in the field of insolvency (bankruptcy) and unification of the terms contained in them with regulatory legislation.

Key words: insolvency, bankruptcy, misconduct at bankruptcy, criminal liability.

Институт банкротства в российском праве объективно признается одним из наиболее сложных правовых институтов, имеющим межотраслевой характер [Белых 1995: 39]. Установление содержания понятий в межотраслевых институтах представляет особую сложность, так как в разных отраслях права схожие или тождественные понятия могут иметь различное понимание и толкование в судебной и следственной практике. Одним из таких неоднозначных в правовом понимании понятий являются категории «несостоятельность» и «банкротство». Несмотря на значительное количество нормативных актов, в той или иной степени регулирующих отношения, возникающие при банкротстве должника, и обширную правоприменительную практику, до настоящего времени не выработан устойчивый понятийный аппарат в отношении основополагающих категорий конкурсного права, что, в свою очередь, существенно затрудняет охрану таких отношений посредством, в том числе, уголовного права.

В действующем российском законодательстве понятия «несостоятельность» и «банкротство» являются синонимами. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту – Закон о банкротстве), как следует уже из его названия, используют оба термина как тождественные, тогда как в охранительном уголовном законе применяется только один из них – «банкротство». В соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве несостоятельность (банкротство) – признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Удвоение терминов в российском законодательстве о несостоятельности является традиционным предметом для дискуссии в научной среде, однако значимость проблемы не исчерпывается исключительно научным интересом. Из разницы в терминологии проистекает и разница в разграничении применимых правовых механизмов защиты прав кредитора и должника, в отношении которого применяются положения законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Особое значение данный вопрос приобретает в свете рассмотрения и принятия в первом чтении законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части реформирования института банкротства), номер законопроекта № 1172553-7, в котором предлагается разграничивать понятия несостоятельности и банкротства. Под несостоятельностью предложено понимать неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, а под банкротством – несостоятельность должника, признанную арбитражным судом, а в отношении гражданина-должника, в том числе признанную при введении процедуры внесудебного банкротства гражданина. При этом каких-либо изменений в действующий Уголовный кодекс РФ в части унификации терминологии не предложено.

Лексикологический анализ. В современном русском языке понятие «несостоятельность» относится к категории полисемантических. Несостоятельность – это 1) свойство или состояние, при котором должник не имеет возможность выполнять свои долговые обязательства; 2) отсутствие необходимого обоснования, доказательности, убедительности в чем-либо [МАС 1999, ТСУ 1938].

Банкротство (ит. *banca*rottа, от *banca* – скамья, стол + *rotta* – изломанная, надломанная; англ. *bankruptcy*; нем. *Bankrott*) – это несостоятельность лица, компании, фирмы и т. п., приводящая к прекращению платежей по долговым обязательствам; разорение [МАС 1999]. Также под банкротством понимают разорение, приводящее к несостоятельности, делающее банкротом [ТСУ 1938].

Итак, термин «банкротство» определяется через несостоятельность, при этом последний термин характеризует финансовое состояние лица. Лексическая единица «несостоятельность» не содержит в себе положительного значения и отражает экономическое положение лица, которое не может производить платежи по своим обязательствам. Отрицание здесь характеризует состояние, придавая таким образом слову констатирующий (статический) оттенок. Термин «банкротство» является более категоричным и предполагает некую правовую фиксацию неудовлетворительного финансового состояния должника.

Исторически в российском праве несостоятельность и банкротство рассматривались как понятия разных отраслей права. Несостоятельность является понятием гражданско-правовым, тогда как банкротство относится к уголовному праву. Такое разделение несостоятельности сформировалось в российском дореволюционном праве. В конце 19 – начале 20 вв. под банкротством понималось неосторожное или умышленное причинение несостоятельным должником ущерба кредиторам посредством уменьшения или сокрытия имущества. Банкротство таким образом являлось уголовной стороной того гражданского отношения, которое называется несостоятельностью [Трайнин URL, Шершеневич URL]. Подобный подход прослеживается и в современном российском законодательстве, сохранившем в уголовном законе понятие «банкротство». В современной науке ряд ученых также предлагают считать банкротство частным случаем несостоятельности, под банкротством необходимо понимать только уголовно наказуемое деяние, при котором неплатежеспособный должник умышленно причиняет ущерб кредиторам [Щенникова 1998: 39], либо расширить границы применения термина «банкротство», распространив его на все случаи любого неправомерного поведения должника, причинившего ущерб кредиторам [Телюкина 2004: 87], не только на уголовное право, но и на административное, а также гражданское, в котором предусмотрена ответственность за причинение ущерба кредиторам при банкротстве должника.

Представляется, что разграничение понятий «несостоятельность» и «банкротство» по отраслевому признаку имеет логическое основание, отчасти упрощает правоприменение, снимает дискуссионные вопросы о правилах применения гражданско-правовых понятий при квалификации преступлений. Однако в настоящее время на законодательном уровне осуществить подобное разграничение крайне затруднительно, принимая во внимание значительный объем нормативных актов, которые потребуют существенных изменений в связи с такой дифференциацией. Кроме того, распространение термина «банкротство» на правонарушения, в том числе преступления, совершаемые при несостоятельности должника, не решит проблему правоприменения, которая заключается в отсутствии единого понимания и толкования тождественных понятий при квалификации деяний различными отраслями права.

В настоящее время большинство ученых не поддерживают синонимичность терминов несостоятельность и банкротство, сложившихся в российском законодательстве в 1992 г. и сохранившихся до настоящего времени. В качестве оснований дифференциации терминов предложены два основных критерия:

1) экономический критерий: несостоятельность является предпосылкой банкротства, одной из стадий развития финансового кризиса;

При несостоятельности должник еще не лишен возможности восстановить свое финансовое положение. Банкротство – это необратимая несостоятельность, при которой должник не может восстановить платежеспособность, а единственный способ расчета с кредиторами – реализация имущества. В настоящее время такой подход отражен в Законе о банкротстве посредством закрепления процедур, применяемых в деле о несостоятельности: наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление и конкурсное производство при банкротстве юридических лиц, реструктуризация и реализация имущества для физических лиц. Должник признается банкротом только при принятии Арбитражным судом решения о введении конкурсного производства или процедуры реализации имущества. Проект закона сохранил аналогичный подход, сократив производство по делу о банкротстве юридического лица до двух стадий: реструктуризация и реализация. Соответственно, необратимый финансовый кризис имеет место только на стадии реализации имущества, это и является банкротством. В этой связи банкротство начинается с момента вынесения соответствующего решения арбитражным судом. Подобное разграничение отражает экономическое содержание несостоятельности, позволяет использовать различные правовые инструменты. Именно подобный подход лежит в основе законопроекта о внесении изменений в Закон о банкротстве: несостоятельность – первый этап финансового кризиса, когда восстановление платежеспособности еще возможно, банкротство – необратимый финансовый крах [Диденко 2002: 28];

2) юридический критерий: в правовой литературе предложено разграничивать несостоятельность и банкротство как экономическую и правовую категории: несостоятельность характеризует экономическое состояние должника, а банкротство – категория экономическая и опосредуется принятием соответствующего судебного акта [Суслова 2004: 52], либо перенести этот момент на ранний срок – с момента принятия арбитражным судом заявления о признании лица банкротом [Колб 1998: 48]. Представляется, что изложенная позиция является лишь дополнением к экономическому разграничению терминов, приведенному выше, отражает формально-юридическую сторону несостоятельности – необходимость принятия судебного акта, в котором на основе представленных доказательств констатируется неудовлетворительное финансовое положение должника.

Представляется, что термин «несостоятельность» характеризует состояние глубокого финансового кризиса. Применительно к действующему законодательству наиболее целесообразно использовать термин «несостоятельность», начиная со стадии введения соответствующей процедуры, используемой в деле о несостоятельности (банкротстве), до момента введения конкурсного производства, а после – речь может идти о банкротстве. Таким образом, несостоятельность – открытая, юридически зафиксированная системная неплатежеспособность, которую, однако, возможно преодолеть (финансовое оздоровление, мировое соглашение и т. д.), банкротство же – состояние необратимого финансового кризиса, когда происходит реализация имущества должника в целях погашения имеющейся задолженности.

При неплатежеспособности и несостоятельности возможно и даже необходимо максимально использовать позитивные реабилитационные правовые механизмы. Безусловно, не в общем порядке, но с учетом уже имеющегося состояния финансового кризиса и необходимости применения в связи с этим специальных правовых норм о регламентации процедуры в арбитражном суде. Задача охранительных норм в данном случае – не допустить использование позитивных правовых регуляторов в корыстных противоправных целях. Оптимальный вариант в данном случае – установление общих запретов, границ дозволенного поведения. Когда же состояние финансового кризиса необратимо, а восстановление платежеспособности невозможно, имеет место банкротство (с позиции действующего Закона о банкротстве – конкурсное производство). На данной стадии имеют место иные задачи и, соответственно, применяются иные механизмы правового регулирования – исключительно ликвидационные, задача которых: максимально возможное сохранение имеющихся у должника материальных ресурсов, с целью погашения за счет их реализации требований кредиторов в максимально полном размере в кратчайшие сроки.

Соответственно, и охранительные нормы призваны обеспечить стабильность материальной базы должника, не допустить уменьшения ресурсов (увеличение пассивов или уменьшение активов). Неправомерность в данном случае имеет место именно при совершении соответствующих деяний, направленных на уменьшение материальных ресурсов должника.

Принимая во внимание разработанный законопроект, мы приходим к заключению о необходимости корректировки норм об уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства.

Действующие редакции ст. 195-197 УК РФ содержат исключительно понятие «банкротство». Соответственно в случае принятия законопроекта в действующей редакции из-под охраны уголовного закона будут исключены деяния, совершаемые при наличии признаков несостоятельности, то есть при введении процедуры реструктуризации долгов. Указанное связано с предполагаемой дифференциацией понятий «несостоятельность» и «банкротство»: в проекте закона понятия «несостоятельность» и «банкротство» не отождествляются, фактически несостоятельность имеет место при введении процедуры реструктуризации долгов, необходима корректировка положений действующего уголовного законодательства в части унификации терминологии со специальным законодательством. Сохранение действующих редакций ст. 195-197 Уголовного кодекса РФ приведет к существенному снижению круга преступных деяний и не будет способствовать достижению целей всего института несостоятельности. Цель правового института банкротства, в первую очередь, обеспечение максимально полного удовлетворения требований кредиторов в кратчайшие сроки и с минимальными издержками для кредиторов. Процедура реструктуризации долгов, предусмотренная в проекте закона, направлена на восстановление платежеспособности, что позволяет обеспечить достижение вышеуказанной цели. При совершении неправомерных действий, ответственность за которые предусмотрена в ст. 195 Уголовного кодекса РФ, происходит уменьшение активов должника в связи с их сокрытием, отчуждением, передачей во владение, а равно совершаются действия по воспрепятствованию деятельности управляющего, что приводит к увеличению сроков производства по делу о несостоятельности, увеличению размера текущих платежей. Все вышеперечисленное имеет опасность не только при необратимом банкротстве, но и при восстановлении платежеспособности путем проведения реабилитационных процедур. В этой связи диспозиция ст. 195 Уголовного кодекса РФ должна быть дополнена указанием на возможность совершения перечисленных в ней действий не только при банкротстве, но и в период несостоятельности должника с установлением временного интервала, аналогично предусмотренному в Законе о банкротстве – в течение одного года, предшествующего принятию заявления о банкротстве или реструктуризации долга. Преднамеренное банкротство, ответственность за которое предусмотрена в ст. 196 Уголовного кодекса РФ, также представляет общественную опасность и при финансовом оздоровлении должника, так как в процессе производства по делу о несостоятельности кредиторы во всяком случае утрачивают возможность получить должное в порядке, предусмотренным первоначальным обязательством: увеличиваются сроки, фиксируется размер штрафов и неустоек и т. д. Кроме того, в результате проведения процедур реструктуризации долга или финансового оздоровления платежеспособность лица может и восстановиться, что приведет к ликвидации лица. Соответственно уголовная ответственность по ст. 196 Уголовного кодекса РФ должна наступать не только за преднамеренное банкротство, но и за преднамеренную несостоятельность.

Подводя итог, укажем, что разграничение терминов «несостоятельность» и «банкротство» основано на экономическом и лексическом содержании понятий и отражает сущность финансового состояния неплатежеспособности. В этой связи предлагаемая в проекте закона дифференциация понятий логична и необходима. Однако отсутствие унификации понятий в регулятивном и охранительном законодательстве приведет к невозможности уголовно-правовой охраны отношений, возникающих при несостоятельности должника. Следовательно, в уголовный закон также должны быть внесены соответствующие изменения.

Литература

- Белых В.С. Концепция банкротства: законодательная модель и реальность / Российский юридический журнал. – 1995. – № 3. – С. 37-48.
- Диденко В. О понятиях «несостоятельность» и «банкротство» / Адвокат. – 2002. – № 6. – С. 25-29.
- Колб Б. Состав преступления и понятие банкротства / Законность. 1998. – № 1. – С. 48-49.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1983.
- Суслова Т.М. Несостоятельность и банкротство: экономический и юридический аспекты / Журнал российского права. 2004. – № 2. – С. 50-54.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940. (4 т.). URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/14/us255309.htm?cmd=0&istext=1>
- Трайнин А.Н. Доклад, читанный в С.-Петербургском Юридическом Обществе. С.-Петербург, 1913 г. URL: <https://base.garant.ru/6186569/>
- Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004.
- Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. Казань, 1898. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003555432?page=1&rotate=0&theme=white>
- Щенникова Л. Банкротство в гражданском праве России: традиции и перспективы / Российская юстиция. 1998. – № 10. – С. 38-40.

References

- Belykh, V.S. (1995). The concept of bankruptcy: legislative model and reality. Russian Law Journal, 3, 37-48 (in Russian).

- Dictionary of the Russian language: In 4 volumes (1983). Chief editor A. P. Evgeniev. Moscow (in Russian).
- Didenko, V. (2002). On the concepts of "insolvency" and "bankruptcy". *Lawyer*, 6, 25-29 (in Russian).
- Explanatory dictionary of the Russian language / Editor-in-Chief D. N. Ushakov. Available from: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/14/us255309.htm?cmd=0&istext=1> (in Russian).
- Kolb, B. (1998). The composition of the crime and the concept of bankruptcy. *Legality*, 1, 48-49 (in Russian).
- Schennikova, L. (1998). Bankruptcy in Russian Civil Law: Traditions and prospects. *Russian justice*, 10, 38-40 (in Russian).
- Shershenevich, G. F. (1898). *Competition law*. Kazan. Available from: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003555432?page=1&rotate=0&theme=white> (in Russian).
- Suslova, T.M. (2004). Insolvency and bankruptcy: economic and legal aspects. *Journal of Russian Law*, 2, 50-54 (in Russian).
- Trainin, A.N. (1913). Report read at the St. Petersburg Law Society. St. Petersburg. Available from: <https://base.garant.ru/6186569/> (in Russian).
- Telyukina, M.V. (2004). *Fundamentals of competition law*. Moscow (in Russian).

Citation:

Коренная А.А. Терминологический анализ категорий «несостоятельность» и «банкротство»: уголовно-правовой аспект// Юрислингвистика. – 2021. – 22. – С. 28-32.

Korennaya A. A. (2021). Terminology Analysis of the Categories "Insolvency" and "Bankruptcy": criminal law aspect. *Legal Linguistics*, 22, 28-32.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Денежные выплаты в социальном обеспечении: трансформация законодательства и научных подходов к определению используемых понятий

Ю.А. Михайленко

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: mihailenqo@ya.ru*

В статье анализируются недостатки понятийного аппарата, характерные для права социального обеспечения при обозначении видов социального обеспечения, предоставляемых в денежной форме. В частности, отмечается отсутствие необходимых определений (в том числе таких ключевых понятий, как «пособие» и «компенсация»); отсутствие единообразия терминов (так, термин «компенсация» в одних источниках употребляется в значении «возмещение понесенных лицом затрат», традиционном для науки трудового права, а в других применяется «цивилистический» подход к компенсациям как выплатам, направленным на восстановление имущественной сферы при посягательствах на нематериальные блага); «удвоение» понятий (например, появление наряду со страховыми «пособиями» «страховых выплат»). На основе анализа действующего законодательства делается вывод, что последовательного разграничения понятий «пособия», «компенсации», иные денежные выплаты в нем не проводится. Тем не менее, ретроспективный анализ источников права социального обеспечения, а также идей и подходов, сформированных в науке (не без влияния науки трудового права), позволяет дать определения отдельных видов социально-обеспечительных выплат. К сожалению, они не всегда находят отражение в законодательстве о социальном обеспечении, вследствие чего и сами научные представления претерпевают изменения, в частности, размываются критерии, определяющие сущность различных социально-обеспечительных выплат. Представляется, что направлениями совершенствования системы источников права социального обеспечения должны стать отказ от чрезмерного терминологического разнообразия при определении видов социального обеспечения, а также ориентация на выработанные в науке подходы к их определению. С этой целью в качестве универсального понятия предлагается использовать категорию пособия, отнеся к ним социально-обеспечительные выплаты в денежной форме, не имеющие специфических признаков других социально-обеспечительных выплат.

Ключевые слова: пособие; компенсация; денежные выплаты; виды социального обеспечения; понятийный аппарат.

Cash Benefits in Social Welfare: Transformation of Legislation and Scientific Approaches to the Definition of Employed Concepts

Mikhailenko Yu.A.

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: mihailenqo@ya.ru*

The article analyzes the shortcomings of the conceptual apparatus characteristic of the right for social security in designating the types of social security provided in monetary form. In particular, there is a lack of necessary definitions (including key concepts such as "benefits" and "compensation"); lack of uniformity of terms (foregoing, the term "compensation" in some sources is used in the sense of "reimbursement of costs incurred by a person", traditional for the science of labor law, and in others a "civilized" approach to compensation as payments aimed at restoring the property sphere in case of encroachments on intangible goods is applied); "doubling" of concepts (for example, the appearance of "insurance payments" along with insurance "benefits"). Based on the analysis of the current legislation, it is concluded that there is no consistent distinction between the concepts of "benefits", "compensation", and other monetary payments. Nevertheless, a retrospective analysis of the sources of social security law, as well as ideas and approaches formed in science (not without the influence of the science of labor law), allows us to define certain types of social security payments. Unfortunately, they are not always reflected in the legislation on social security, as a result of which the scientific ideas themselves are undergoing changes, in particular, the criteria determining the essence of various social security payments are being enough. It seems that the directions for improving the system of sources of social security law should be the rejection of excessive terminological diversity in determining the types of social security, as well as the orientation to the approaches developed in science to their definition. Thus, it is proposed to use the category of benefits as a universal concept, referring to it social security payments in cash, which do not have specific features of other social security payments.

Key words: benefits; compensation; cash benefits; types of social welfare; conceptual apparatus.

В числе отраслевых принципов права социального обеспечения традиционно выделяется принцип единства и дифференциации правового регулирования [Антипьева 2013: 8-16; Лушников 2014: 7-25; Евстигнеева 2015: 138-144], включающий, в том числе, и дифференциацию видов социального обеспечения.

Об увеличении разнообразия видов социального обеспечения можно говорить с середины 90-х годов XX в.: вначале появляются компенсации, страховые выплаты, ежемесячные денежные выплаты, позднее – субсидии, материнский семейный капитал, социальная доплата к пенсии и т. д. Между тем, некоторые из устанавливаемых видов денежных выплат новыми являются лишь номинально, так как новое название использовалось для обозначения вполне традиционного вида социального обеспечения. Недостатки понятийного аппарата, характерные как для отрасли в целом, так и для обозначения видов социального обеспечения, неоднократно отмечались в литературе [Миорова 2017: 153-162; Гусева 2011: 126-132]. К ним относятся отсутствие необходимых определений и единообразия терминов и понятий; «размывание» основных понятий из-за введения их новых аналогов, признаки которых не вписываются в традиционное понимание; неоправданное расширение понятийного аппарата посредством введения чуждых отрасли терминов, «удвоение» понятий [Миорова 2017: 154].

Прежде всего отметим, что отсутствует легальное определение понятия «пособие». При этом многие законы, оперирующие указанным понятием, специально выделяют статьи с дефинициями используемых в них понятий. Такие нормы имеются, в частности, в федеральных законах от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» (ст. 3), от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (ст. 3); от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (ст. 1.2). Все перечисленные законы называют различные пособия (по временной нетрудоспособности, по беременности и родам; единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное по уходу за ребенком; социальное пособие на погребение) в качестве видов страхового обеспечения, но не содержат их определений. Очевидно, предполагается, что термин «пособие» применяется в них, как это указано части 2 статьи 1.2 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», «в том значении, в каком он используется в других законодательных актах Российской Федерации».

Лишь Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», не определяя общего понятия «пособие», содержит в статье 1 дефиницию социального пособия как разновидности государственной социальной помощи – «безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации». Отметим, что в науке права социального обеспечения имеется и расширительный подход, при котором социальные пособия рассматриваются не только в рамках государственной социальной помощи (отличительный признак которой – характеристика получателя как малоимущего): Н.Л. Смирнова предложила все пособия, выплачиваемые за счет бюджетных средств, назвать социальными, а за счет средств внебюджетных фондов – страховыми [Смирнова 2002: 65], однако по нашему мнению, их уместнее называть, соответственно, «бюджетными» и «страховыми».

Несмотря на отсутствие легального определения, основываясь на анализе использования термина «пособие» в законодательстве о социальном обеспечении, можно назвать некоторые черты пособий – денежная форма; срок выплаты (ежемесячно, единовременно или периодически); цель поддержания прежнего материального положения лица (возмещение утраченного заработка или дополнительных расходов), – на базе которых разрабатываются доктринальные дефиниции [Орловский 2019: 198; Смирнова 2002: 65].

Однако формированию определения указанного понятия мешает то, что в нормативные правовые акты вводятся новые термины, без учета понятийного аппарата, разработанного в науке права социального обеспечения. Так, пострадавшему от несчастного случая на производстве или профессионального заболевания предоставляются «страховые выплаты» (ст. 8 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»). Неясно, почему законодатель не использует здесь термин «пособие», который, как ранее указывалось, активно применяется в отношении видов страхового обеспечения. Трудно обозначить какие-либо признаки, требующие выделения указанных страховых выплат из ряда иных страховых пособий, следовательно, налицо «удвоение» понятий.

Подобным образом в значении пособия нередко используется термин «компенсация», «компенсационная выплата», либо выплате дается некое описательное название, как, например, в указах Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и от 7 апреля 2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». Очевидно, что характеристика мер поддержки как социальных или государственных не отражает их сущности, а нужна лишь для того, чтобы указы не совпадали по названию. В других двух указах Президента РФ, посвященных аналогичным по целям и условиям назначения выплатам (в пользу трудоспособного лица, не работающего в связи с уходом за различными категориями нетрудоспособных граждан), также используется различная терминология: «компенсационные выплаты» (в указе от 26 декабря 2006 г. № 1455) и «ежемесячные выплаты» (в указе от 26 февраля 2013 г. № 175). Представляется, что все упомянутые выплаты не имеют черт, не позволяющих отнести их к пособиям, так как характер источника правового регулирования не является достаточно значимым фактором, требующим их обособления в особую подгруппу видов социального обеспечения, предоставляемых в денежной форме.

Аналогичное удвоение терминологии наблюдается в статьях 19 и 20 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней». При возникновении поствакцинального осложнения, с учетом тяжести его последствий, гражданину предоставляются денежные выплаты, одна из которых, единовременная, названа «пособием», а другая, ежемесячная, – «компенсацией». Представляется, что в данном случае термин «компенсация» использован в значении, характерном для гражданского права, т. е. для обозначения выплаты, направленной на восстановление имущественной сферы при посягательствах на нематериальные блага [Краснова 2019: 103-109].

Между тем, в доктрине права социального обеспечения, не без влияния трудового права, сложилось иное понимание компенсационных выплат, как возмещающих затраты, фактически понесенные лицом, взамен социального обеспечения в натуральной форме [Прасолова 2019: 74; Адриановская 2014: 28]. Именно в таком значении, близком к определению компенсации в статье 164 Трудового кодекса Российской Федерации, термин используется в статье 11 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: «...если инвалид приобрел соответствующее техническое средство реабилитации и (или) оплатил услугу за собственный счет, ему выплачивается компенсация в размере стоимости приобретенного...», но не выше установленного законом лимита. Там же указано, что отказ инвалида от реализации индивидуальной программы не дает ему права на получение компенсации в размере стоимости реабилитационных мероприятий, предоставляемых бесплатно.

Поддерживая точку зрения И.Р. Маматказина о производном характере компенсационного правоотношения [Маматказин 2014: 212-217], отметим, что его подход к определению «первичного» правоотношения, в рамках которого существует «объект» компенсации, излишне широк, что стирает различия между компенсациями, с одной стороны, и пенсиями (в легальных определениях которых также указывается признак компенсационности) и пособиями, с другой. По нашему мнению, в роли объекта компенсации следует рассматривать именно натуральный вид социального обеспечения, вместо реального предоставления которого она выплачивается. Таким образом, характерные черты компенсаций (компенсационных выплат) как разновидности денежных выплат в социальном обеспечении сводятся к следующим: (1) направлены на полное или частичное возмещение фактически понесенных и, как правило, подтвержденных расходов; (2) предоставляются взамен натурального вида обеспечения, право на которое имеет получатель компенсации.

Ситуации, когда закон не требует подтверждать фактически произведенных расходов, несколько нивелируют различие между компенсацией и пособием. В качестве примера можно сослаться на часть 16 статьи 11.1 того же закона, устанавливающую ежегодную денежную компенсацию расходов на содержание и ветеринарное обслуживание собак-проводников. Несмотря на то, что инвалид их не подтверждает (закон презюмирует, что затраты неизбежны, и устанавливает периодически индексируемую сумму возмещения), выплата все же отличается от пособия, так как данная услуга входит в федеральный перечень реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду (утвержден распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2005 г. № 2347-р).

Таким образом, Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» достаточно последовательно употребляет термин «компенсация» в отношении денежных выплат, предоставляемых взамен натурального вида обеспечения. Однако, к сожалению, этого нельзя сказать о законодательстве о социальном обеспечении в целом: ранее мы указывали на неуместное использование термина «компенсация» в отношении выплат в связи с поствакцинальным осложнением. В Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» для денежной выплаты, направленной на возмещение расходов, фактически понесенных лицом,

не воспользовавшимся услугами по погребению, оказание которых гарантируется на безвозмездной основе, ошибочно применяется наименование «пособие».

С учетом выявленных недостатков действующего законодательства о социальном обеспечении, приходится констатировать, что оно не позволяет дать определений понятиям «пособие» и «компенсация», а равно выделить критерии, позволяющие дифференцировать их от иных видов социального обеспечения в денежной форме. Многие авторы, пытаясь на основе анализа норм права выявить сколько-нибудь специфичные черты компенсаций, не в состоянии предложить юридически значимых критериев, требующих такого разграничения, что было отмечено в научной литературе [Гусева 2011: 12; Адриановская 2014: 27-30]. В качестве наиболее ярких черт компенсаций отмечен характер источника правового регулирования, оперативно реагирующего на появление нового социального риска [Антонова 2021: 24-45; Кручек 2016: 13], а также их незначительный размер [Цветков 2009: 159; Орловский 2019: 199].

Все перечисленное приводит к тому, что в учебной литературе перестают выделяться разделы о видах социального обеспечения [Филиппова 2021; Мачульская 2021], каких-либо критериев дифференциации денежных выплат, предоставляемых в рамках социального обеспечения, не предлагается [Григорьев 2021: 261-271]. Между тем те же авторы отмечают значение видов социального обеспечения, с одной стороны, как института общей части права социального обеспечения, а с другой, как основания для классификации подразделений его особенной части [Григорьев 2021: 49-50; Филиппова 2021: 53].

Таким образом, назрела необходимость систематизации видов социального обеспечения в науке, с тем чтобы в процессе нормотворчества ориентироваться на выработанные в науке подходы. Учитывая многообразие и разнородность пособий (по основаниям назначения и цели, по финансовому источнику, по размеру, по периодичности выплаты) возможен подход к их определению «по остаточному принципу», как денежных выплат, не обладающих специфичными признаками иных социально-обеспечительных выплат, а именно:

(1) пенсий – ежемесячные, длительные (иногда пожизненные) выплаты, как правило, нетрудоспособному лицу в размере, ориентированном на прожиточный минимум;

(2) субсидий (включая материнский (семейный) капитал), которые имеют ярко выраженное целевое назначение, в отличие от достаточно общей цели пособий;

(3) компенсаций, понимаемых как возмещение расходов лица, произведенных взамен социального обеспечения в натуральной форме. Как пример компенсации следует рассматривать и ежемесячную денежную выплату, размер которой зависит от предоставления (или отказа получателя от предоставления) набора социальных услуг.

Подобный подход к пособиям как «остальным» денежным выплатам, предоставляемым в рамках социального обеспечения, уже существовал в советской науке права социального обеспечения: В.С. Андреев предлагал все денежные выплаты, не являющиеся пенсиями, относить к пособиям [Андреев 1974: 8] (иных видов социально-обеспечительных выплат законодательство в тот период не предусматривало). Представляется, что с учетом обозначенных выше критериев, определяющих специфику компенсаций и субсидий, этот подход в целом применим и сегодня.

Таким образом, пособие можно определить как денежную выплату, отличную от пенсии, компенсации или субсидии, предоставляемую в случаях, установленных законами и подзаконными актами (ежемесячно, периодически или единовременно) с целью поддержания прежнего материального положения лица, подвергшегося воздействию социального риска.

Литература

- Адриановская Т.Л. Компенсации в праве социального обеспечения и в трудовом праве / Социальное и пенсионное право. – 2014. – № 4. – С. 27-30.
- Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР : учебник. М., 1974.
- Антипьева Н.В. Единство и дифференциация правового регулирования как принцип социального обеспечения / Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – №3 (21). – С. 8-16.
- Антонова Н.В., Еремина О.Ю., Каменская С.В. и др. Институт социальных пособий и компенсаций в Российской Федерации: генезис правового регулирования : научно-практическое пособие. М., 2021.
- Григорьев И.В. Право социального обеспечения : учебник и практикум для вузов. М., 2021.
- Гусева Т.С. Использование российским законодателем новой терминологии для обозначения социальных выплат: объективная необходимость или недостаток юридической техники / Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 1. – С. 126-132.
- Гусева Т.С. Правовая природа компенсационных выплат в праве социального обеспечения России / Социальное и пенсионное право. – 2011. – № 3. – С. 11-13.
- Евстигнеева Л.А. Принципы права социального обеспечения: в преддверии кодификации / Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – №2 (16). – С. 138-144.
- Краснова С.А. Проявления компенсационного воздействия в гражданском праве и праве социального обеспечения: сравнительно-правовой анализ / Проблемы правового обеспечения безопасности личности,

общества и государства : сборник статей всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2019. С. 103-109.

Кручек И.В. О месте компенсаций в праве социального обеспечения в контексте проблемы формирования понятийного аппарата законодательства о социальном обеспечении / Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 8-1 (13). – С. 11-18.

Лушников А.М. Становление и развитие учения о принципах трудового права и принципах права социального обеспечения / Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2014. – Вып. 8. – С. 7-25.

Маматказин И.Р. Юридические конструкции компенсационных правоотношений / Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 2. – С. 212-217.

Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения : учебник для вузов. М., 2021.

Миранова Т.К. Новации в понятийном аппарате права социального обеспечения и их влияние на предмет отрасли / Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9(82). – С. 153-162.

Право социального обеспечения : учебник и практикум для вузов / под ред. М.В. Филипповой. М., 2021.

Право социального обеспечения : учебник для академического бакалавриата: в 2 т. / под ред. Ю. П. Орловского. М., 2019. Том 2. Особенная и специальная части.

Прасолова И.А., Кашлакова А.С., Киселева Е.В. и др. Право социального обеспечения : учебное пособие. Барнаул, 2019.

Смирнова Н.Л. Пособия по временной нетрудоспособности как вид страхового обеспечения по праву социального обеспечения современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.

Цветков С.Б. Право социального обеспечения : учебное пособие. Волгоград, 2009.

References

Adrianovskaya, T.L. (2014). Compensation in Social Security Law and Labor Law. *Social and Pension Law*, 4, 27-30 (in Russian).

Andreev, V.S. (1974). *Social security law in the USSR*. Moscow (in Russian).

Antipieva, N.V. (2013). Unity and differentiation of legal regulation as a principle of social security. *Perm University Herald. Juridical Science*, 3 (21), 8-16 (in Russian).

Antonova, N.V., Eremina, O.Yu., Kamenskaya, S.V. et al. (2021). *Institute of social benefits and compensations in the Russian Federation: the genesis of legal regulation*. Moscow (in Russian).

Evstigneeva, L.A. (2015). Principles of Social Security Law: Ahead of Codification. *Tomsk State University Journal of Law*, 2 (16), 138-144 (in Russian).

Grigoriev, I. V. (2021). *Social Security Law*. Moscow (in Russian).

Guseva, T.S. (2011). The legal nature of compensation payments in the law of social security in Russia. *Social and Pension Law*, 3, 11-13 (in Russian).

Guseva, T.S. (2011). The use of new terminology by the Russian legislator to designate social benefits: an objective necessity or lack of legal technique. *Perm University Herald. Juridical Science*, 1, 126-132 (in Russian).

Krasnova, S.A. (2019). Manifestations of compensatory impact in civil law and social security law: a comparative legal analysis. Pp. 103-109. In *Problems of legal security of the individual, society and state*. Novosibirsk (in Russian).

Kruchek, I.V. (2016). On the place of compensation in the law of social security in the context of the problem of forming the conceptual apparatus of legislation on social security. *Tavrishesky scientific observer*, 8-1 (13), 11-18 (in Russian).

Lushnikov, A.M. (2014). Formation and development of the doctrine of the principles of labor law and the principles of social security law. *Vestnik trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya*, 8, 7-25 (in Russian).

Machulskaya, E.E. (2021). *Social Security Law*. Moscow (in Russian).

Mamatkazin, I.R. (2014). Legal constructions of compensatory legal relations. *Actual problems of Russian law*, 2, 212-217 (in Russian).

Mironova, T.K. (2017). Innovations in the conceptual apparatus of social security law and their impact on the subject of the industry. *Actual problems of Russian law*, 9(82), 153-162 (in Russian).

Prasolova I.A., Kashlakova A.S., Kiseleva E.V. et al. (2019). *Social Security Law*. Barnaul (in Russian).

Smirnova, N.L. (2002). Temporary disability benefits as a type of insurance coverage for social security law in modern Russia (Dissertation of the Candidate of Legal Sciences). Vladivostok (in Russian).

Social Security Law. (2021). M.V. Filippova (Ed.). Moscow (in Russian).

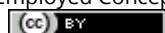
Special and special parts. (2019) In *Social Security Law*. Yu.P. Orlovsky (Ed.). Moscow. (in Russian).

Tsvetkov, S.B. (2009). *Social Security Law*. Volgograd (in Russian).

Citation:

Михайленко Ю.А. Денежные выплаты в социальном обеспечении: трансформация законодательства и научных подходов к определению используемых понятий // Юрислингвистика. – 2021. – 22. – С. 33-37.

Mikhailenko, Yu.A. (2021). Cash Benefits in Social Welfare: Transformation of Legislation and Scientific Approaches to the Definition of Employed Concepts. *Legal Linguistics*, 22, 33-37.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Генезис внутренних убеждений правоприменителя в процессе толкования норм права

В. В. Сорокин

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: sorokin.v@yandex.ru*

Аннотация: В статье называются формы объективирования языка в праве. Язык рассматривается автором не просто в качестве способа трансляции юридической информации, а в качестве проводника смысла права. Характеризуется роль правовых дефиниций в юридической деятельности. Язык коррелируется со сферами духа права и юридическим процессом. Язык – важный государствообразующий фактор. Он не только обеспечивает общение между субъектами с использованием вербальных и невербальных средств. В правовой сфере слово несет в себе дух права, ибо оно и есть воплощение этого духа. Получая языковое выражение, дух права объективируется. В то же время в юридической литературе излагается ограниченный взгляд на функции языка в праве. Как правило, к ним относят отобразительную (выражение воли законодателя вовне) и коммуникативную (доведение этой воли до сведения участников общественных отношений). При этом игнорируются самые главные функции языка в праве: системосохраняющая, смыслообразующая и духовно-объективирующая. При этом автор предостерегает против абсолютизации языковых средств в праве.

Ключевые слова: право, язык, генезис, языковые средства, толкование права, судебское усмотрение, дух права, буква закона.

The Genesis of the Internal Convictions of a Law Enforcement Officer in the Process of Interpreting the Norms of Law

V. V. Sorokin

*Altai State University
61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: sorokin.v@yandex.ru*

Abstract: The article describes the forms of objectification of language in law. Language is considered by the author not just as a way of communicating legal information, but as a mediator of the meaning of law. The role of legal definitions in legal operations is characterized. The language correlates with the spheres of the spirit of law and the legal process. Language is an important nation-forming factor. It is not limited to providing communication between subjects using verbal and non-verbal means. In the legal sphere, the word carries the spirit of law, for it is the embodiment of this spirit. Receiving a linguistic expression, the spirit of law is objectified. At the same time, the legal literature presents a limited view on the functions of language in law. As a rule, they include display function (expression of the will of the legislator outside) and communicative one (bringing this will to the attention of participants in public relations). At the same time, the most important functions of language in law are ignored: system-preserving, meaning-forming and spiritual. At the same time, the author warns against the absolutization of linguistic means in law.

Keywords: law, language, genesis, linguistic means, interpretation of law, judicial discretion, spirit of the law, letter of the law.

Язык – важный государствообразующий фактор. Он не только обеспечивает общение между субъектами с использованием вербальных и невербальных средств. В правовой сфере слово несет в себе дух права, ибо оно и есть

воплощение этого духа. Получая языковое выражение, дух права объективируется. В то же время в юридической литературе излагается ограниченный взгляд на функции языка в праве. Как правило, к ним относят отобразительную (выражение воли законодателя вовне) и коммуникативную (доведение этой воли до сведения участников общественных отношений) [Пиголкин 1990: 8]. При этом игнорируются самые главные функции языка в праве:

- системосохраняющая – обеспечение воспроизводства духовно-культурного и организационно-регулятивного кода правовой системы общества;
- смыслообразующая – определение словами и выражениями правовых понятий, правил и смыслов;
- духовная – объективация духа права в юридической терминологии.

При этом не нужно допускать абсолютизации языковых средств в праве. Так, Дж. А. Акопян преувеличивает роль языка: «Язык – основное средство общения людей, поэтому только словами и выраженными ими понятиями можно определить, что делать, а чего не делать, что правильно или неправильно» [Акопян 2005: 225]. На самом деле юридические требования выражаются не только словами, но еще правовыми чувствами, конклюдентными действиями (движением жезла сотрудника дорожной полиции).

Глобализаторы мира убеждены в том, что любая унификация, в том числе языковая, несет мир и безопасность. Поэтому один язык на весь мир – одна из задач их повестки дня, равно как и мировое правительство. В мире уже не первое десятилетие наблюдается размывание языков романской и славянской групп, проявляющееся в том, что в их словарный состав активно входят слова и выражения из английского языка. В 2009 г. в Швеции был создан национальный терминологический банк, имеющий целью сбережения и создания шведских терминов. Повсеместно сократилось изучение языков романской группы. Франции даже пришлось принимать закон о защите французского языка («Закон Тубона» 1994 г.). В России тоже немало специалистов озабочены сохранением русской грамматической системы, богатства и своеобразия словаря [Государственный язык России: нормы права и нормы языка, 2018]. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. предусмотрен пункт 81: «Особое значение для укрепления национальной безопасности в области культуры имеет проведение государственной политики по реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации, средства обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов Российской Федерации, основы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и средства удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников за рубежом». К сожалению, государственная политика подразумевает защиту статуса языка, а защиту корпуса языка не затрагивает, в то время как размывание языка – это признак культурного упадка, утрата культурной идентичности народов и наций.

Современные (печатные, телевизионные, радиовещательные, электронные и пр.) средства массовой информации безнаказанно нарушают языковые, коммуникативные и этические нормы, хотя и являются одним из главных субъектов формирования языковой ситуации. СМИ увлекаются эпатажирующим изложением табуированной тематики, создают и мулсируют скандалы и сплетни, отличаются циничным отношением к человеческим трагедиям, нагнетают тревожную атмосферу в обществе. Речь журналистов, политиков и даже юристов изобилует иноязычными словами «тренд», «бренд», «мониторинг», «старт-ап», «праймериз», «онлайн», «пиар», «эксклюзив», «инклюзив», «кейс», «кластер», которые получили широкое распространение в том числе благодаря использованию в нормативно-правовых документах государства. Таким образом, органы государственной власти сами открыли ворота для мирового глобализма. По мнению В. Рыбина: «Мы полностью утратили терминообразование и получили мощный поток заимствований, размывающих русский язык, а вместе с ним русское самосознание» [Рыбин 2018: 20]. И произошло это в нарушение Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г., который в п. 6 ст. 1 предписывает следующее: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Другими словами, сегодня повсеместно наблюдается нарушение запрета на использование новых иностранных слов, не выражающих новых значений и тем самым избыточных для языка. Сегодня даже органы государственной власти употребляют в официальных документах и выступлениях заимствованное слово «волонтер», хотя русское слово «доброволец» общеупотребительно. Студентов высших учебных заведений России стали именовать «бакалавр» и «магистрант». Гражданский кодекс Российской Федерации выступает лидером по употреблению английских по происхождению терминов. Словарный лексикон власти, средств массовой информации, богемы, молодежной тусовки задает формат языкового общения повсюду в стране.

К сожалению, языковая колонизация – первый шаг к полному подчинению англоязычным народам. Через языковую экспансию колонизаторы изменяют мировоззрение народов, отрывая их от духовных и культурных корней и насаждая англосаксонскую модель глобализма. От того, какую лексику используют носители языка, во многом зависит образ их мышления и поведения. И если значительная часть народа говорит на чужом языке, они и думают в плоскости иностранной духовной культуры.

Усилия англосаксонских политиков по целенаправленному подавлению всех языков, кроме английского, продолжают [Марусенко 2018]. Это одно из свидетельств стремления к мировому господству: «Английский язык в мировой языковой системе играет роль, схожую с ролью доллара в мировой денежной системе» [Рыбин 2018: 80]. Под сферу действия английского языка переходят не только торговля, высокие технологии. Само насаждение английского языка в мире превратилось в доходный бизнес. Исследователи указывают, что суммы «скрытого налога» в пользу Великобритании ежегодно составляют около 1300 евро на человека [Марусенко 2014: 357]. В него входит:

- доход от преподавания английского языка (13 млрд евро в год);
- доход от переводов на английский язык (только Европейская комиссия в 2018 г. потратила на это 8,5 млрд евро);
- более высокие зарплаты носителей английского языка по сравнению с инофонами;
- отсутствие необходимости у носителей английского языка тратить средства и время на его изучение.

Ч.3 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. устанавливает: «Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации». Во исполнение данного закона Правительство РФ издало Постановление от 23 ноября 2006 г. № 714, согласно которому Министерство образования утверждает на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку список грамматик, словарей, справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка, а также правила русской орфографии и пунктуации.

Размывание корпуса русского языка приводит к падению его статуса. Так, например, Президент Казахстана Н. Назарбаев объявил 2017 год годом перехода страны с кириллицы на латиницу. В республиках бывшего СССР замена русского языка английским производится под ширмой защиты национального суверенитета. Однако вытеснение русского языка происходит не в пользу национальных языков этих республик, а в пользу английского. Точно так же в странах Европейского союза декларация о многоязычии приводит к насаждению английского языка.

Можно укреплять армию, промышленность и даже наращивать уровень жизни населения, но основой общества и государства является дух. Если в народе нет духовного единства, веры и моральных устоев, государство не может считать себя сильным. А ослабленное государство теряет и численность населения, и его образованность, и благосостояние, и земли, и золотой запас, и промышленность, и культуру. «Призрачна и непрочна любая сила, любая мощь, если она не основывается на твердом фундаменте духовного единства» [Снычев 2015: 511]. Функция правового воспитания заключается в формировании у подрастающего поколения представлений о величии своего народа, достоинствах его духовной и материальной культуры, в том числе языка. Функции обеспечения культурной идентичности и формирования национального самосознания тоже связаны с вопросами охраны государственного языка и языков народов, населяющих страну.

Важнейший элемент национального самосознания – слово, опредмечивая правосознание субъектов, оно является одним из основных условий эффективности правового регулирования. Именно язык способствует передаче правовых идеалов, принципов, норм. Таким образом, язык права, так же, как и общенародный язык, требует к себе бережного отношения.

Теория права и государства научным путем вырабатывает, формулирует и раскрывает тысячи основных понятий и категорий, получающих конвенцию на использование от юридического сообщества. Исходной языковой единицей здесь выступает дефиниция – краткое логическое определение, устанавливающее существенные, отличительные признаки предмета или правовое значение понятия – его правовое содержание и границы использования в сфере правового регулирования [Лазарев 2012: 159]. Правовые дефиниции можно подразделять на доктринальные, находящиеся в научном обороте, судебные, изложенные в судебных актах, и легальные, закрепленные в нормативно-правовых актах. Дефинициям в праве («юридическое лицо», «правоотношение», «юридический факт» и т. д.) свойственна высокая степень абстрактности, но посвящены они довольно конкретным правовым явлениям. Языковая оболочка юридических понятий позволяет более или менее однозначно их воспринимать и толковать [Kress, Hodge 1979; Wodak 1989]. Грамматический способ толкования норм права непременно используется по каждому юридическому делу. Здесь имеет значение определенная последовательность слов, этимология слов и выражений, правила грамматики. В иерархии языковых уровней высокое положение занимает синтаксис, так как он тесно связан с логикой, изучающей законы и условия мышления, и с психологией, изучающей процессы образования мысли. Грамматику можно представить как элементарную часть логики, начало анализа мыслительного процесса. Правила грамматики выступают образцами, по которым формы языка получают соответствие с универсальными формами правового мышления.

Небрежное отношение к языку закона приводит к появлению в нормативных актах многочисленных нетерминологических выражений, вообще не требующих дефиниций. Так, в ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации определяется понятие «вода» как «химическое соединение водорода и кислорода, существующее в жидком, твердом и газообразном состояниях». Здесь же дается определение «вод» во множественном числе: это «вся вода, находящаяся в водных объектах». В ст. 1 Закона Российской Федерации «О пожарной безопасности» определено понятие пожара: «это неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства». Законы Российской Федерации «О защите прав потребителей» и «О естественных монополиях» содержат разные определения понятия «потребитель». А понятия «товар», «предприятие», «штраф», «работник» были определены в российском законодательстве в трех-четырёх вариантах, не совпадающих друг с другом [Головина 2017: 107-109]. Упомянутые языковые погрешности имеют негативные правовые последствия, затрудняют толкование воли законодателя, замедляют работу механизма правоприменения.

Для юристов искусство владения словом имеет ключевое значение. При этом важно относиться к словам не с утилитарно-технической точки зрения, но адекватно, то есть одухотворенно. Чтобы слова в сфере юриспруденции действительно выражали дух права, ими нужно пользоваться с осторожной внимательностью, вкладывая соответствующий смысл. Слово представляет собой знак, знак транслирует образ, а образ заключает в себе смысл. Поэтому современных отечественных юристов нужно специально подготавливать к работе со словом. В стандартах

высшего юридического образования данное направление подготовки должно найти место. Студентам-юристам необходимо

- понимать словообразовательные модели, по которым строится юридическая терминология;
- владеть понятийным аппаратом юриспруденции;
- уметь сравнивать содержание и смыслы близких правовых понятий;
- применять приемы и способы толкования права (не только правовых норм, но и правовых идей и принципов);
- уважать дух права, воплощенный в правовых понятиях и выражениях, и отдавать ему предпочтение перед буквой закона.

Литература

Акопян Дж. Юридическое (нормативное) и этические (нравственное) понимание права / Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 220-231.

Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург, 2017.

Государственный язык России: нормы права и нормы языка. СПб., 2018.

Лазарев В.В. Избранные труды. [В 3 т.]. – Т. III: Из истории политической мысли. М., 2010.

Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна. Языковые последствия глобализации. М., 2018.

Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза. Институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб, 2014.

Рыбин В. Государственный язык как орудие власти. СПб., 2018.

Снычев И. Русская симфония. М., 2003.

Язык закона /Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.

Kress G., Hodge B. Language as ideology. Routledge, 1979.

Wodak R. Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam, 1989.

References

Golovina, S. Yu. (2017). The conceptual apparatus of labor law. Yekaterinburg (in Russian).

Hakobyan, J. (2005). Legal (normative) and ethical (moral) understanding of law. Jurisprudence, 6, 220-231 (in Russian).

Kress, G., Hodge, B. (1979). Language as ideology. Routledge.

Lazarev, V.V. (2010). Selected Works. [In 3 vols.]. - T. III: From the history of political thought. Moscow (in Russian).

Marusenko, M.A. (2018). The evolution of the world language system in the postmodern era. The linguistic implications of globalization. Moscow (in Russian).

Marusenko, M.A. (2014). The language policy of the European Union. Institutional, educational and economic aspects. St. Petersburg (in Russian).

Rybin, V. (2018). The state language as an instrument of power. St. Petersburg (in Russian).

Snychev, I. (2003). Russian symphony. Moscow (in Russian).

The language of the law / Ed. A.S. Pigolkina. (1990). Moscow (in Russian).

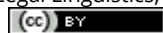
The official language of Russia: legal norms and language norms. (2018). St. Petersburg (in Russian).

Wodak, R. (1989). Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam.

Citation:

Сорокин, В. В. Генезис внутренних убеждений правоприменителя в процессе толкования норм права// Юрислингвистика. – 2021. – 22. – С. 38-40.

Sorokin, V.V. (2021). The Genesis of the Internal Convictions of a Law Enforcement Officer in the Process of Interpreting the Norms of Law. Legal Linguistics, 22, 38-40.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Реклама в видеоиграх: вопросы правовой квалификации

И.В. Кирюшина

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kirushina_ira@mail.ru*

Статья посвящена правовому анализу рекламы, размещаемой в видеоиграх. Затрагиваются актуальные вопросы понятия «реклама» с точки зрения ее соответствия легальному определению, закреплённому в Федеральном законе «О рекламе». Анализируются такие способы распространения рекламы в видеоиграх, как реклама, встроенная в контент игры, в том числе «product placement». В российском законодательстве аналогом данной категории является используемая законодателем дефиниция «упоминания о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара, которые органично интегрированы в произведения науки, литературы или искусства». Делается вывод о возможности квалификации данного приема в качестве рекламы в случае отсутствия признака «органичной интеграции». Рассматриваются примеры судебной и правоприменительной практики неорганичного интегрирования. В таких случаях распространённая информация признаётся рекламой, в отношении которой должны соблюдаться требования рекламного законодательства относительно ограничений на рекламирование табачной и алкогольной продукции, оружия и ряда других товаров. Особые требования предъявляются к видеоиграм для несовершеннолетних с целью защиты их прав. Автором представлена позиция относительно квалификации таргетированной рекламы с точки зрения ее соответствия такому признаку рекламы, как адресованность неопределённому кругу лиц. Обосновывается вывод, что персонализация рекламного сообщения не исключает его квалификации в качестве рекламы. Исследуется проблема распространения рекламы в компьютерных, в том числе многопользовательских играх, осуществляемых посредством сети Интернет, где получение предварительного согласия пользователя онлайн-игры на получение рекламы достигается посредством включения данного условия в пользовательское соглашение. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования в исследуемой сфере.

Ключевые слова: реклама, видеоигры, product placement, неопределённый круг лиц, таргетинг.

Advertising in Video Games: Legal Qualifications

I.V. Kiryushina

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: kirushina_ira@mail.ru*

The article is addressed to the legal analysis of advertising placed in video games. Topical issues of the concept of advertising are touched upon from the point of view of its compliance with the legal definition enshrined in the Federal Law "On Advertising". There has been analyzed the distribution of advertising in video games, such as ads embedded in game content, including "product placement". In Russian legislation, there is an analogue of this category which is defined by the legislator as "references to a product, means of its individualization, about a

manufacturer or seller of a product, which are organically integrated into works of science, literature or art". The conclusion is made about the possibility of qualifying this technique as an advertisement in the absence of a sign of "organic integration". The examples of judicial and law enforcement practice of inorganic integration are considered. In such cases, the disseminated information is recognized as advertising, in respect of which the requirements of advertising legislation regarding restrictions on advertising of tobacco and alcohol, weapons and a number of other goods must be observed. There are special requirements for video games for minors in order to protect their rights. The author presents the position regarding the qualification of targeted advertising from the point of view of its compliance with such a sign of advertising as being addressed to an indefinite group of people. The conclusion is supported by the argument that personalization of an advertising message does not exclude its qualification as an advertisement. The problem of advertising distribution in computer games, including multiplayer games, carried out via the Internet, where obtaining the preliminary consent of the online game user to receive advertising is achieved by including this condition in the user agreement, is investigated. The conclusion is made about the need to improve legal regulation in the studied field.

Key words: advertising, video games, product placement, indefinite group of people, targeting.

Активно развивающийся рынок игровой индустрии стал новой площадкой для распространения рекламы. Реклама в видеоиграх может распространяться двумя способами: как внутриигровая реклама, будучи интегрированной в сам игровой контент, либо размещаться в перерывах между играми.

Варианты встроенной в контент игры рекламы могут быть различными: «игра бренда» (advergame), когда игра создается непосредственно под продукт и размещается, например, на сайте компании. Здесь сам игровой контент используется как способ рекламы и продвижения товара. Сюжет игры строится вокруг бренда одной компании, а цель игры – привлечь потенциальных потребителей к сайту и, в конечном счете, – к товарам и услугам компании. Более современная технология динамической рекламы позволяет обновлять рекламные сообщения в игре и получать детальную отчетность о проведенных рекламных кампаниях.

Часто в видеоиграх используется прием, называемый «product placement» (в дословном переводе – «размещение товара»), когда герои игры одеты в одежду определенной марки, используют автомобили или оружие определенного производителя. «Product placement» можно определить как один из способов продвижения товара на рынок, связанный с включением в произведение литературы или искусства упоминания о товаре, его производителе, товарном знаке. Некоторые авторы называют его «условно скрытая реклама» [Гришаев 2015: 25-26].

Такой прием также возможен в нескольких вариантах: статическом, когда используется размещение рекламируемого бренда на уличных билбордах, в помещениях, на бортах гоночной трассы, одежде героев, и активном – посредством взаимодействия игрока с рекламируемым продуктом или брендом, встроенным в сценарий игры. Очевидно, что размещение встроенной рекламы более эффективно, чем реклама в привычном виде. Поэтому прием «product placement» является сегодня довольно распространенным. Здесь нет прямого указания на необходимость приобретения данного товара, но у пользователя игры складывается устойчивый интерес к нему.

Поскольку в настоящее время в России отсутствует специальное законодательство, регулирующее рекламу в видеоиграх, возникающие здесь отношения подчиняются общим правилам, закрепленным Федеральным законом «О рекламе» [Федеральный закон 2006], в том числе в части правовой квалификации той или иной информации в качестве рекламной.

Понятие рекламы дано в статье 3 Федерального закона «О рекламе», согласно которой реклама это информация, распространенная в любой форме с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц, направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижению на рынке. Таким образом, реклама – это любого рода информация, целенаправленно обращающая внимания на конкретный объект (товар, производителя) в целях его продажи и продвижения на рынке.

В настоящее время в мире выделяют три подхода к использованию «product placement». Первый – запрет на рекламное размещение продукта в произведениях науки, литературы, искусства. Такой подход закреплен в законодательстве европейского Союза. Второй подход, используемый в США, допускает применения такого способа размещения рекламной информации, как «product placement». И третий подход, используемый в России, фактически исключает «product placement» из сферы действия законодательства о рекламе [Козлова 2018: 140-142].

В статье 2 Федерального закона «О рекламе» прямо перечислены виды информации, которые в контексте данного закона рекламой не считаются, в том числе указано, что не рассматриваются как реклама упоминания о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара, которые органично интегрированы в произведения науки, литературы или искусства и сами по себе не являются сведениями рекламного характера.

В российском законодательстве категория «product placement» не используется. Вместо этого понятия употребляется категория «упоминания о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара, которые органично интегрированы в произведения науки, литературы или искусства». Следовательно, при оценке того, является ли то или иное упоминание о товаре либо бренде рекламой, необходимо ответить на вопрос об органичности такой интеграции. Таким образом, формально «product placement» не рассматривается Федеральным законом «О рекламе» в качестве рекламы. Однако необходимо ответить на вопрос: является ли данная информация «product placement».

К сожалению, судебная практика каких-либо четких критериев отнесения такого рода информации к «product placement» не выработала. Имеющиеся отдельные судебные решения затрагивают вопросы распространения подобного рода информации в телепрограммах и телепередачах. Основное выяснение сводится к определению того, являлась ли такая интеграция обоснованной и органичной.

Вместе с тем, при оценке такой информации как не носящей рекламного характера, следует оценивать как минимум три момента: является ли в конкретном случае то или иное произведение, в которое включено упоминание о товаре, произведением науки, литературы или искусства, соответствует ли использование товара или бренда в нем требованию органичности интегрирования, и не является ли такое сообщение само по себе сведениями рекламного характера.

При оценке того, является ли конкретная видеоигра произведением науки, литературы или искусства, она должна отвечать критериям произведения, выработанным в доктрине и судебной практике [Право интеллектуальной собственности 2017]. Во-первых, она должна являться результатом творческой деятельности, обладать творческим характером и в этом смысле быть оригинальной и неповторимой. Во-вторых, она должна быть выражена в какой-либо объективной форме, позволяющей другим лицам помимо самого автора ознакомиться с ней.

Игровой контент может быть отнесен к категории аудиовизуального произведения. Для признания такого аудиовизуального произведения произведением науки, литературы или искусства требуется анализ фактически содержащихся в нем сведений на предмет наличия сюжетной линии, поскольку именно в нее «монтируется» упоминание о товаре, оригинальности и новизны подачи материала.

Наиболее сложным является вопрос оценки органичности интеграции упоминания о товаре в такое произведение. В свое время Федеральная антимонопольная служба России (далее – ФАС России) высказала позицию относительно «органичности интеграции» применительно к теле- и радиопередачам [Письмо Федеральной антимонопольной службы России 2011]. Согласно позиции антимонопольного органа, Федеральный закон «О рекламе» не распространяется на информацию об определенных лицах или товарах, одновременно отвечающую двум признакам: во-первых, она органично интегрирована в произведение науки, литературы, искусства и, во-вторых, она не является сама по себе сведениями рекламного характера.

По мнению специалистов ФАС России, органично интегрированной в то или иное произведение можно признать информацию о товаре или лице, которая является составной частью общего сюжета произведения (отдельной его части) и выступает в качестве дополнительной характеристики героя или созданной ситуации. При этом такие товар или организация не представлены в виде, когда внимание концентрируется именно на них, на их достоинствах и иных характеристиках, они не подменяют главных персонажей в произведении (отдельной его части), не нарушают сюжета и не могут быть изъяты из него без ущерба для целостного восприятия произведения.

Так, по мнению специалистов ФАС России, могут быть признаны органично интегрированными в видеопроизведение изображения товаров, которые приобретают или используют герои произведения в обоснованной сюжетом ситуации (например, потребление пива в баре, ресторане, без акцентирования внимания зрителей на наименовании товара, когда демонстрация товара, утвари, обстановки в баре является естественным фоном сценического действия).

Отнесение информации самой по себе к сведениям рекламного характера должно производиться исходя из содержания такой информации, а также цели и назначения ее распространения, в соответствии с понятием рекламы, закрепленным в статье 3 Федерального закона «О рекламе», согласно которому под рекламой понимается информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Таким образом, в случае если в теле-, радиопередаче или теле-, радиопрограмме размещается информация с упоминанием (в том числе с демонстрацией) определенного наименования товара, средства его индивидуализации, в том числе товарного знака, или с упоминанием названия определенного юридического лица или индивидуального предпринимателя, коммерческого обозначения или иная подобная информация, формирующая интерес к определенному лицу или товару, то такая информация должна оцениваться на предмет ее органичного интегрирования в данную теле-, радиопередачу или теле-, радиопрограмму.

В случае если информация о товаре или лице не воспринимается как составная часть общего сюжета произведения (отдельной его части), выходит за рамки общего содержания теле-, радиопередачи или теле-, радиопрограммы, при этом такие товар или лицо представлены в виде, когда внимание концентрируется именно на них, на их достоинствах и иных характеристиках, то такая информация может признаваться неорганично интегрированной в указанное произведение.

Следовательно, чтобы включение товаров или брендов в игровой контент не рассматривалось в качестве скрытой или завуалированной рекламы, их интеграция в игровой контент должна быть органичной. Для этого при оценке упоминания о товаре необходимо учитывать характер такого упоминания, его контекст и соотношение с сюжетной линией игры. Необходимо учитывать общий контекст игры и соответствие (несоответствие) ему фрагмента, содержащего упоминание о товаре или его производителе. Подлежит оценке, насколько оправданно включение такого фрагмента сюжетной линией игры; является ли акцентирование на товаре или его производителе излишним или неестественным; преследует ли упоминание о товаре цель формирования интереса к товару преимущественно среди иных потенциальных производителей.

Органично интегрированной в произведение можно признать информацию о товаре, которая является составной частью общего сюжета произведения или его отдельной части и выступает как дополнительная характеристика героя или созданной ситуации. При этом товар не представлен так, чтобы внимание было сосредоточено именно на нем, его достоинствах и характеристиках, он не подменяет главных персонажей, не нарушает сюжета и не может быть изъят из него без ущерба для целостного восприятия. Так, органично интегрированными в видеопроизведение могут быть признаны изображения товаров, которые приобретают или используют герои в обоснованной сюжетом ситуации.

Органичность вpletения упоминания о товаре, товарном знаке, производителе в сюжет произведения как раз является особой чертой, характерной для «product placement». Если в ходе экспертизы не будет установлено органичной интеграции, такое упоминание следует рассматривать как рекламу.

Специалистами ФАС России в качестве примера неорганичной интеграции был оценен эпизод фильма Вий, в котором был показан дорожный столб с указателями «Москва», «Лондон» и «Хортиця». Последний указатель начинается с логотипа одноименной водки и набран ее фирменным шрифтом. По сюжету фильма упоминание «Хортиця» не используется для характеристики местоположения или объекта. По мнению антимонопольного органа, данное словесное обозначение и стилизованную букву «Х», индивидуализирующие водку, нельзя признать органично интегрированными в фильм [Официальный сайт ФАС России 2014].

Судебная практика при определении, насколько органично интегрировано в произведение упоминание о товарах и брендах, исходит из того, насколько такая информация выделяет товар на фоне аналогичных, приводит его положительную оценку потребителями, формируя и поддерживая интерес к нему, и может быть изъята без ущерба для сюжета. При положительном ответе на данные вопросы такую информацию следует рассматривать как рекламную. Если изображение товара направлено на привлечение внимания, формирование и поддержание интереса к нему, содержит средство его индивидуализации, эта информация выделяет товар на фоне аналогичных, дает положительную оценку его качествам, способствует продвижению товара на рынке – это реклама [Куликов 2016].

При этом сами создатели игрового контента не скрывают рекламный характер таких материалов. По запросу в сети Интернет «реклама в играх» появляется масса предложений по созданию «product placement» под ваш бренд. Нередко указание на различные товары включается в игру по просьбе самих производителей на основе заключенного с создателями игры договора «о размещении упоминания о торговой марке», что, безусловно, является косвенным подтверждением рекламного характера такой информации. Однако следует учитывать, что сам по себе факт заключения подобного договора не означает признания рекламного характера такого рода информации, если при этом она соответствует критерию органичности интегрирования.

Подобного рода включения упоминания о товаре или бренде в игру напрямую не противоречат действующему законодательству. Вопрос об оценке такой информации в качестве рекламной, как правило, встает в том случае, когда в качестве объекта выступает товар, реклама которого либо запрещена, либо ограничена Федеральным законом «О рекламе».

Так, статья 7 Федерального закона «О рекламе» устанавливает запрет на рекламу ряда товаров: производство и (или) реализация которых запрещены законодательством РФ; наркотических средств, психотропных веществ и потенциально опасных психоактивных веществ; взрывчатых веществ и материалов, за исключением пиротехнических изделий; органов и (или) тканей человека в качестве объектов купли-продажи; табака и табачных изделий, и ряда других.

Жесткие требования и ограничения установлены законодателем в отношении рекламы алкогольной продукции [Федеральный закон 2006, ст. 21]. Их можно разделить на две группы: требования и ограничения к месту и способам размещения рекламы и к содержанию такой рекламы. Реклама алкогольной продукции с содержанием этилового спирта 5 и более процентов разрешается только в стационарных торговых объектах, в которых осуществляется розничная продажа алкогольной продукции. Следовательно, такая реклама запрещена в компьютерных играх. Реклама иной алкогольной продукции не должна размещаться в предназначенных для несовершеннолетних аудио- и видеопроизведениях и обращаться к ним. Так, если пользователем компьютерной игры является несовершеннолетний, размещать в ней рекламу слабого алкоголя или пива нельзя. Важным является такой аспект, как указание возраста пользователей, для которых игра предназначена. Реклама алкоголя запрещена в сети Интернет, следовательно, если использование игры осуществляется посредством сети Интернет, реклама алкоголя в ней запрещена. В каждом случае реклама алкогольной продукции должна сопровождаться предупреждением о вреде ее чрезмерного употребления в объеме не менее 10% рекламной площади (пространства).

В статье 26 Федерального закона «О рекламе» содержатся ограничения рекламирования таких товаров, как продукция военного назначения и оружие, фактически их реклама в компьютерных играх не допускается.

Кроме того, следует помнить, что рекламой признается не только показ самого товара, но и демонстрация отдельных элементов упаковки, средств индивидуализации товара, например, товарного знака, логотипов, напоминающих о товаре. Согласно пункту 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.2012 № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» при анализе информации на предмет наличия в ней признаков рекламы судам необходимо учитывать, что размещение отдельных сведений, очевидно вызывающих у потребителя ассоциацию с определенным товаром, имеющее своей целью привлечение внимания к объекту рекламирования, должно рассматриваться как реклама этого товара, поскольку в названных случаях для привлечения внимания и поддержания интереса к товару достаточно изображения части сведений о товаре (в том числе товарного знака) [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ 2012]. И хотя сам товар может и не показываться в рекламе, это будет расценено именно как

реклама такого товара. Так, реклама торговых марок и товарных знаков, под которыми производится и реализуется алкогольная продукция, может быть признана непосредственно рекламой такой продукции, в соответствии с частью 4 статьи 2 Федерального закона «О рекламе».

Законом установлен прямой запрет на «завуалированную» рекламу алкогольной продукции, когда под видом продукции, разрешенной к рекламе без ограничений, например, минеральная вода, конфеты и т. п., рекламируется алкогольная продукция. Согласно части 2 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» такая реклама признается недобросовестной. Поэтому если под одним товарным знаком прошли регистрацию несколько товаров, из контекста рекламы должно однозначно следовать, что реклама средств индивидуализации отдельного товара явно не относится к товару, в отношении рекламы которого установлены специальные требования и ограничения.

Таким образом, создатель игры должен внимательно относиться к тому, как включаются в игру такие товары, и не будет ли игра представлять собой пропаганду, например табака, алкоголя или оружия.

С целью защиты несовершеннолетних статьей 6 Федерального закона «О рекламе» установлены особые требования, призванные защитить несовершеннолетних от злоупотребления их доверием и недостатком опыта. Так, адресованная к ним реклама не должна дискредитировать родителей, побуждать несовершеннолетних к тому, чтобы они убедили родителей приобрести рекламируемый товар; создавать искаженное представление о доступности товара для семьи с любым уровнем достатка; создавать впечатления о том, что обладание рекламируемым товаром ставит их в предпочтительное положение перед их сверстниками; формировать комплекс неполноценности у несовершеннолетних, не обладающих рекламируемым товаром; а также комплекс неполноценности, связанный с их внешней непривлекательностью. В детских видеоиграх не допускается распространение рекламы таких товаров, как алкоголь, рискованные игры, оружие и другие, особенности рекламы которых установлены главой 3 Федерального закона «О рекламе».

Между тем разработчики игрового контента не останавливаются в вопросах рекламного воздействия на игроков. Они разрабатывают программы, позволяющие отслеживать персональный статус игрока с точки зрения возраста, пола, страны жительства, предпочтений и транслировать ему адресную рекламу с учетом этих данных. Такой прием называется «таргетинг» или «таргетированная» реклама. Создается некий психологический портрет виртуального игрока, под этот портрет осуществляется рассылка рекламы.

Так, в один сетевой шутер была встроена рекламная система, собиравшая конфиденциальную пользовательскую информацию с компьютера и передававшая ее разработчикам контента, что, собственно, ими и не скрывалось. Информация об этом была размещена в листовке, приложенной к коробке с игрой. Данная система позволяет использовать IP-адрес игрока для определения его местонахождения и направлять ему рекламу, адресованную именно жителям данной территории (игрок из Европы не будет получать рекламу для США). Кроме того, отслеживалось время, в которое пользователь начинал игру, что позволяло демонстрировать рекламу во время наибольшей игровой активности, возраст – чтобы несовершеннолетние игроки не просматривали «взрослую рекламу» и т. д. Вроде бы идея не плохая, если не учитывать вопрос законности сбора персональной информации.

Не затрагивая проблему правомерности сбора и обработки персональных данных, остановимся на вопросе квалификации такой информации в качестве рекламной. Таргетинг в рекламе (англ. target – цель) – механизм, позволяющий выделять из всей имеющейся аудитории информационного канала только ту часть, которая удовлетворяет заданным рекламодателем критериям (целевую аудиторию), и показывать рекламу именно этой части аудитории.

Понятия «таргетинг» и «таргетированная реклама» получили наиболее широкое распространение в сфере интернет-продвижения объектов рекламирования. Процесс таргетинга представляет собой процедуру определения набора характеристик круга адресатов рекламных сообщений. В отличие от широко распространенной ранее контекстной рекламы, таргетированные рекламные сообщения в сети Интернет показываются не в соответствии с содержанием страницы, а определенным группам пользователей. Этот инструмент позволяет выбирать аудиторию, которой будет демонстрироваться конкретное рекламное сообщение, персонализировать ее.

Персонализация рекламных сообщений стала вполне логичным этапом развития таргетированной рекламы. При этом, если ранее такие сообщения должны были быть оценены на предмет их соответствия признакам рекламы только с точки зрения их адресной направленности конкретным лицам, то теперь и с точки зрения их содержания – такое рекламное сообщение подготовлено с учетом индивидуальных интересов и предпочтений потенциального его получателя, а, следовательно, адресовано персонально ему, что так же ставит под вопрос возможность квалификации такого сообщения как рекламного.

Рассматривая подобный рекламный механизм с правовой точки зрения на соответствие признаку адресованности неопределенному кругу лиц, следует учитывать следующее. В зависимости от целей, которых стремится достигнуть реклама, круг адресатов рекламы бывает широким или, напротив, узким. Вопрос о том, какой будет целевая аудитория рекламы, решает рекламодатель. В этой связи обособление круга лиц, которым направляется какая-либо информация персонально, не меняет ее квалификации в качестве рекламы, поскольку понятие неопределенного круга лиц как адресата рекламы не совпадает с понятием «целевая аудитория» рекламного послания.

Не меняет квалификации в качестве рекламы такой информации и отбор адресатов по определенным критериям, поскольку само рекламное сообщение создано не для конкретного адресата, а для любого, отвечающего критериям отбора, при этом стороной в сделке может не стать ни один из адресатов, либо, напротив, сделку может

заклучить лицо, не находившееся в списке адресатов. Добавление персонального обращения к адресату в содержание рекламного текста также не лишает сообщение признака неперсонифицированности и не превращает рекламу в индивидуальное сообщение. Указание в рекламном обращении фамилии, имени и отчества адресата содержания самой рекламной информации, в подавляющем большинстве случаев, также не затрагивает.

На наш взгляд, при рассмотрении такого признака рекламы, как адресованность неопределенному кругу лиц, под неопределенным кругом лиц следует понимать лиц, которые не могут быть заранее определены в качестве конкретной стороны правоотношения, возникающего по поводу реализации объекта рекламирования, и о которых заранее не известно, ознакомятся ли они с рекламой и откликнутся ли они на рекламное послание по поводу объекта рекламирования (например, приобретут ли рекламируемый товар) [Письмо Федеральной антимонопольной службы России 2007]. В данном случае даже узкий список адресатов рекламы будет являться неопределенным кругом лиц, поскольку заранее невозможно предположить, кто из адресатов воспримет рекламу и, как следствие, заключит договор с ее отправителем, в том числе и в случаях отбора таких адресатов по определенным критериям и персонализации таких обращений [Кирюшина, Лебедев 2018: 135-139].

Во всех случаях, когда рекламный контент транслируется в игру посредством сети Интернет, следует учитывать требования к рекламе, распространяемой по сетям электросвязи, закрепленные статьей 18 Федерального закона «О рекламе», к которой относится и сеть Интернет. Особенно это актуально для многопользовательских онлайн-игр, когда игроки имеют возможность сами рассылать такую рекламу, например, пригласив нового игрока. Распространение такой рекламы допускается только при условии предварительного согласия абонента или адресата на получение рекламы. При этом реклама признается распространенной без предварительного согласия абонента, если рекламораспространитель не докажет, что такое согласие было получено. Он обязан немедленно прекратить распространение рекламы в адрес лица, обратившегося к нему с таким требованием.

Получение предварительного согласия пользователя онлайн-игры достигается посредством включения данного условия в пользовательское соглашение. Тем самым пользователь фактически лишен возможности отказаться от рекламного контента, всплывающего в процессе игры. Однако можно ли рассматривать согласие на получение рекламы в принципе как согласие на получение конкретной рекламы?

Безусловно, сегодня пользователь должен очень четко понимать, что игровая индустрия является крайне интересной для рекламодателей, поэтому рекламный контент в различных форматах, сопровождающий игру, будет только увеличиваться и приобретать все новые и более изощренные формы. Разработчикам же компьютерных игр и рекламодателям следует внимательней относиться к созданию такого рекламного контента в целях соблюдения требований действующего законодательства и прав пользователей игры. Вместе с тем, недостаточное внимание законодателя к данной сфере, очевидно, не позволяет обеспечить баланс интересов игроков и создателей игр, в том числе с точки зрения соблюдения рекламного законодательства. Представляется необходимым совершенствование правового регулирования в данной сфере с учетом все время расширяющегося опыта применения норм Федерального закона «О рекламе».

Литература

- Гришаев С.П. Реклама: правовое регулирование / Редакция «Российской газеты». – 2015. – Выпуск 10. – С. 25-26.
- Кирюшина И.В., Лебедев Н.Ю. Правовая квалификация адресной рекламы / Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – №3 (101). – С. 135-139.
- Козлова М.Ю. Требования к рекламе в сети Интернет / Право в сфере Интернета: Сборник статей / под ред. М.А. Рожковой. – М., 2018. – С. 140-142.
- Куликов А. Правовое регулирование использования product placement в России. – М., 2016 URL: https://cljournal.ru/vybor/158/?print#_ftn11.
- О рекламе: федеральный закон от 13.03.2006 №38-ФЗ / Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.
- Письмо Федеральной антимонопольной службы России от 05.04.2007 № АЦ/4624 «О понятии «неопределенный круг лиц» / Экономика и жизнь. – 2007. – № 19.
- Письмо Федеральной антимонопольной службы России от 25 мая 2011 г. №АК/20129 «О признании рекламы неорганично интегрированной в теле-радиопередачу» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133017/.
- Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.2012 №58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» / Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – №12.
- Право интеллектуальной собственности. Авторское право: Учебник. Т.2 / под ред. Л.А. Новоселовой. 2017. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pravo_intellektualnoj_sobstvennosti_t_2_avtorskoe_pravo
- ФАС в СМИ: ФАС оштрафовала на 100 000 руб. создателя фильма «Вий» за скрытую рекламу водки «Хортиция» / Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/publications/3962>.

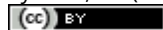
References

- Arbitration Court of the Russian Federation (2012). On some issues of the practice of application by Arbitration courts of the Federal Law "On Advertising". Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation (October 08, 2012) Moscow, Russia: Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 12.
- FAS in the media: The FAS fined 100,000 rubles. the creator of the film "Viy" for hidden advertising of vodka "Horticia". Available from: <https://fas.gov.ru/publications/3962> (in Russian).
- Federal Antimonopoly Service of Russia. (2011). On recognition of advertising unorganically integrated into TV and radio broadcasts. Letter of the Federal Antimonopoly Service of Russia date. (May 25, 2011). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133017/ (in Russian).
- Federal Antimonopoly Service of Russia. (2007). On the concept of "an indefinite circle of persons". Letter of the Federal Antimonopoly Service of Russia dated. (April 05, 2007) Moscow, Russia: Economics and Life No. 19 (in Russian).
- Grishaev, S.P. (2015). Advertising: legal regulation. Editorial Office of Rossiyskaya Gazeta, 10, 25-26 (in Russian).
- Intellectual property law. Copyright. (2017) In Textbook. Vol.2 L.A. Novoselova. (Ed.). Available from: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pravo_intellektualnoj_sobstvennosti_t_2_avtorskoe_pravo/ (in Russian).
- Kiryushina, I.V., Lebedev, N.Y. (2018). Legal qualification of targeted advertising. Izvestiya of the Altai State University, 3 (101), 135-139 (in Russian).
- Kozlova, M.Y. (2018). Requirements for advertising on the Internet. Law in the sphere of the Internet: a collection of articles M.A. Rozhkova (Ed.). Moscow, 140-142 (in Russian).
- Kulikov, A. (2016). Legal regulation of the use of product placement in Russia. Available from: https://cljournal.ru/vybor/158/?print#_ftn11 (in Russian).
- The State Duma. (2006). On advertising. Federal Law Legislative Acts of the Russian Federation. (March 13, 2006) Moscow, Russia: Collection of Legislation of the Russian Federation No. 12. 1232 (in Russian).
-

Citation:

Кирюшина И.В. Реклама в видеоиграх: вопросы правовой квалификации // Юрислингвистика. – 2021. – 22. – С. 41-47.

Kiryshina, I.V. (2021). Advertising in Video Games: Legal Qualifications. Legal Linguistics, 22, 41-47.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Презумпции и фикции как особые правовые феномены

О.Е. Зацепина

Алтайский государственный университет

Пр. Социалистический, 68, 656049, г. Барнаул, E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

В статье рассматриваются сущность правовых презумпций и правовых фикций, их основные признаки, общие и отличительные черты. Исследуя сущность правовой презумпции, автор приходит к выводу, что не следует смешивать и противопоставлять друг другу логико-философский, юридический и социально-политический подходы к ее сущности, нужно рассматривать презумпцию в трехаспектном ракурсе. Такой подход раскрывает всю цепочку существования презумпций в праве: возникновение – действие – результат. Логико-философский подход обозначает формирование презумпции на основе предшествующего опыта, юридический – реализацию при наличии факта-основания, социально-политический – установление в целях защиты различных интересов. С помощью метода экстраполяции установлено, что сущность правовой фикции также проявляется в указанных трех аспектах, поскольку фикция тоже образуется с учетом закономерностей общественного развития, реализуется при наличии определенных фактов, установленных в законе, и устанавливается с целью охраны различных интересов. Презумпции и фикции играют в праве очень важную роль, восполняя собой недостаток фактической информации и оптимизируя правовое регулирование. Они отличаются друг друга, главным образом по критерию вероятности (презумпция вероятна, фикция – заведомо ложна) и отражения действительности (фикция определенным образом деформирует действительность, презумпция – нет), что позволяет не отождествлять их друг с другом.

Ключевые слова: правовая презумпция, правовая фикция, охрана интересов, экстраполяция.

Presumptions and Fictions as Special Legal Phenomena

O.E. Zatsepina

Altai State University

68 Socialistichesky st., 656049, Barnaul, E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

The article considers the essence of legal presumptions and legal fictions, their main features, common and distinctive features. Exploring the essence of the legal presumption the author comes to the conclusion that the logical-philosophical, legal and socio-political approaches to its essence should not be mixed and contrasted with each other, it is necessary to consider the presumption in a trilateral approach. This approach reveals the entire chain of existence of presumptions in law: the emergence – action – result. The logical-philosophical approach means the formation of a presumption based on previous experience, the legal one – implementation in the presence of a fact-foundation, the socio-political one – the establishment in order to protect various interests. Using the extrapolation method, it has been established that the essence of legal fiction is also manifested in these three aspects, since fiction is also formed considering a patterns of social development, is implemented in the presence of certain facts established in the law, and is established in order to protect various interests. Presumptions and fictions play a very important role in law, making up for the lack of factual information and optimizing legal regulation. They differ from each other, mainly by the criterion of probability (the presumption is probable, the fiction is wittingly false) and the reflection of reality (the fiction deforms the reality in a certain way, the presumption does not), which makes it possible not to identify them with each other.

Key words: legal presumption, legal fiction, protection of interests, extrapolation.

Правовая презумпция и правовая фикция – явления сложные и многогранные, поэтому в литературе сложились различные подходы к их сущностям.

Сущность правовой презумпции часто рассматривают, исходя из трех подходов (сторон, аспектов), которые иногда смешивают или противопоставляют друг другу.

1. Логико-философский аспект (правовая презумпция – предположение, в основе которого лежит накопленный опыт [Бабаев 1974: 13]; ввиду существования всеобщей причинно-следственной связи явлений, сходных фактов и наличии закономерностей их взаимодействия [Никиташина 2004: 13] в аналогичных ситуациях определенные отношения развиваются одинаково [Каминская 1948: 3]).

В этом значении презумпция используется в различных науках: психиатрии, биологии, философии, языкознании и других, являясь результатом проведения специальных исследований [Булаевский 2013: 9].

Презумпции возникают и в быту (например, опираясь на знания о поведенческих реакциях человека, можно сделать вероятное предположение о том, как он поступит в определенной ситуации, исходя из имеющегося опыта коммуникации с ним при подобных обстоятельствах).

К некоторым презумпциям, разработанным наукой или сформированным на основе здравого смысла, правоприменитель прибегает для собственной аргументации принимаемого решения, а законодатель – фиксации правовой нормы. Такие презумпции не несут правовых последствий и именуется фактическими [Федотов 2001: 48].

Таким образом, презумпция как вероятное предположение, подкрепленное предшествующим опытом, является универсальной категорией.

Именно с позиции логико-философского аспекта объясняется происхождение правовых презумпций, обладающих высокой степенью вероятности.

2. Юридический аспект (презумпция – это способ доказывания, позволяющий при определенных обстоятельствах заключить, что какие-то факты, не подлежащие доказыванию, существуют или не существуют – Я.Б. Левенталь [Левенталь 1948: 56], В.А. Ойгензихт [Ойгензихт 1975: 26], В.П. Воложанин [Воложанин 1953: 5]).

Этот аспект раскрывает процессуальное значение правовых презумпций, а также их особый механизм реализации, проявляющийся в том, что для начала действия каждой правовой презумпции необходимо представить определенные факты-основания, закрепленные законом, при установлении которых презюмируемые факты принимаются без доказательств.

Несомненно, в таком понимании презумпция может использоваться только в праве, поэтому указанные ученые относят ее к исключительно правовым явлениям.

3. Социально-политический аспект.

Этот аспект характеризует цели, для достижения которых установлены презумпции и их роль в механизме правового регулирования, поэтому его признание позволяет относить к презумпциям правовые предположения, имеющие малую степень вероятности, но обладающие огромной социальной ценностью и отражающие политику государства.

Например, в соответствии с презумпцией невиновности обвиняемый считается невиновным, пока не установлено иное (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ [Конституция РФ 1993]), хотя на практике небольшой процент обвиняемых оказываются невиновными.

О социальном (либо политическом) аспекте правовых презумпций, который наиболее выражен именно у тех из них, которые обладают малой степенью вероятности, говорят многие ученые.

Так, М.Л. Давыдова пишет о большой социальной значимости презумпции невиновности и о том, что именно предшествующий опыт, которому она противоречит, показал, что нельзя отвергать даже малую степень вероятности [Давыдова 2010: 160]. О.А. Кузнецова утверждает о закреплении законодателем маловероятных презумпций с целью повышения целесообразности правового регулирования [Кузнецова 2002: 110].

Однако и высоковероятные презумпции имеют очень важное социально-политическое значение.

Особую роль правовых презумпций (вне зависимости от степени их вероятности) в охране и защите различных интересов подчеркивает Б.А. Булаевский [Булаевский 2011: 37], данную позицию также разделяет Е.Ю. Марохин, говоря о том, что каждая презумпция целенаправленна, [Марохин 2004: 73].

Считаем, что целевая составляющая правовых презумпций, заключающаяся в охране различных интересов (личности, общества и государства), представляет собой их неотъемлемый признак, в связи с чем непременно должна присутствовать в определении рассматриваемого понятия.

Итак, представляется, что сущность правовой презумпции следует рассматривать в едином, трехаспектном ракурсе, позволяющем показать всю ее многогранность, многофункциональность, раскрыть значение ее отдельных видов. Полагаем, что не нужно выбирать наиболее значимый или правильный из исследуемых аспектов, отождествлять или предполагать их несовместимость друг с другом.

Например, Н.Н. Цуканов видит противоречие между юридическим и логико-философским подходами [Цуканов 2001: 503–504], а М.Л. Давыдова предлагает заменить «логическую сторону презумпции» на социальную сторону презумпции» ввиду первичности социального значения над логической структурой [Давыдова 2010: 160], что, на наш взгляд, не дает возможности полностью раскрыть сущность правовой презумпции. Ведь каждый из аспектов является ее неотъемлемой частью как единого целого.

Таким образом, думается, что правовые презумпции имеют логико-правовую и социально-политическую сущность.

Более того, именно трехаспектный подход раскрывает всю цепочку существования презумпций в праве: возникновение – действие – результат.

Так, за первое звено отвечает логико-философский аспект (формирование на основе накопленного опыта, в том числе маловероятной презумпции, противоречащей такому опыту). За второе – юридический аспект (нуждаемость в наличии факта-основания для начала действия). За третье – социально-политический аспект (охрана интересов).

Исходя из этого, полагаем, что правовая презумпция имеет следующие признаки: вероятность, нормативность (закрепляется в правовых нормах либо в правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм, например, презумпция знания закона [Определение Конституционного Суда РФ 2004]) опровержимость, особый механизм реализации и целевая составляющая, заключающаяся в охране различных интересов (личности, общества и государства).

По нашему мнению, правовая презумпция – это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах (либо в правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм) закрепляется вероятное предположение, которое считается истинным, если доказаны определенные факты, установленные законом (либо соответствующими актами судебного толкования), и пока не доказаны факты, его опровергающие, применяемое в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства).

Теперь рассмотрим правовую фикцию.

Правовая фикция имеет такие основные признаки как: нормативность; заведомая ложность; непровержимость; намеренная деформация (коррекция) действительности; особый механизм реализации; цель применения — охрана различных интересов (личности, общества и государства). Нормативность проявляется в том, что фикции закрепляются в правовых нормах либо в общеобязательных правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм, например, фикция, содержащаяся в п.10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Постановление Пленума Верховного Суда 2002], приравнивающая непосредственное содействие исполнителю в совершении кражи, грабежа или разбоя участниками группы лиц по предварительному сговору к соисполнительству (в действительности непосредственное изъятие осуществляется одним из них). Заведомая ложность означает, что законодатель сознательно конструирует явно ложное положение, о чем известно не только ему, но и лицам, которым оно адресовано. Так как фикция содержит заведомо ложное положение, она, безусловно, фактически опровержима, но, как и в случае с непровержимой презумпцией, ее опровержение не имеет юридического значения в целях охраны определенных интересов. Деформация (коррекция) действительности проявляется по-разному, исходя из нужд правового регулирования в конкретных случаях, и может выражаться в: — приравнивании различных понятий и обстоятельств друг к другу (распространении правового режима) (например, усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, как и они по отношению к усыновленным детям, в имущественных и личных неимущественных правах и обязанностях приравниваются к родственникам по происхождению согласно п. 1 ст. 137 СК РФ) – признанию реальными несуществующих фактов и отрицании существующих (например, признание родителями усыновленного ребенка его усыновителей и отрицание его родства с биологическими родителями — ч. 1 ст. 136 СК РФ, чч. 1, 2, 6 ст. 137 СК РФ) – признании возникновения обстоятельств раньше или позже того, чем это произошло на самом деле (например, изменение даты рождения усыновленного ребенка – ч. 1 ст. 135 СК РФ [Семейный кодекс РФ 1995]). Следует отметить, что правовая презумпция не корректирует реальность, а только предполагает один из возможных вариантов.

Особый механизм реализации правовой фикции (аналогично правовой презумпции) проявляется в том, что она применяется к конкретному случаю и особым образом деформирует действительность только при наличии определенных обстоятельств, установленных в законе (в правовой норме, содержащей правовую фикцию. Например, согласно ст. 439 ГК РФ [Гражданский кодекс РФ 1994] акцепт признается неполученным, если извещение об его отзыве поступило лицу, направившему оферту, раньше акцепта или одновременно с ним, а фикция, признающая фактически ненадлежащее извещение надлежащим (ст. 118 ГПК РФ), только при условии отсутствия у суда сообщения о перемене адреса лицом, участвующим деле, во время производства по делу). Фикции устанавливаются в целях охраны различных интересов, например, охраны интересов усыновленного ребенка, учета общественной опасности лиц, совершивших преступление (ч. 5 ст. 34 УК РФ [Уголовный кодекс РФ 1996]), обеспечения нормального хода судопроизводства (ст. 118 ГПК РФ [Гражданский процессуальный кодекс РФ 2002]) и др.

Полагаем, что правовая фикция – это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах (либо в правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм) закрепляется заведомо ложное непровержимое положение, применяемое при наличии условий, установленных в законе (либо в соответствующих актах судебного толкования), определенным образом деформирующее (корректирующее) действительность в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства).

правовую фикцию, в отличие от правовой презумпции, не рассматривают с позиции логико-философского, юридического и социально-политического подходов, хотя, выделенные нами выше признаки правовой фикции как средства юридической техники и их содержание, позволяют сделать вывод, что в отношении правовой фикции возможна экстраполяция трехаспектного подхода к ее сущности, выделенного при рассмотрении сущности правовой презумпции, так как она (как и правовая презумпция) обладает всеми тремя указанными аспектами.

Фикция образуется с учетом знаний, выработанных практикой общественного развития, и является универсальной категорией, применяемой в качестве средства рационализации каких-либо правил и определенной коррекции действительности с целью преодоления ситуации неопределенности и нормального развития общественных отношений не только в праве, но и в других сферах жизни (логико-философский аспект).

Например, в математике для доказывания теоремы заведомо ложное признают истинным (доказательство от противного), в экономике – ценность денег искусственно приравнивается к ценности товара [Танимов 2016: 15]), фикцию также иногда используют в следующих случаях: при установлении правил оплаты публикации статей – в некоторых журналах стоимость рассчитывается за страницу, при этом менее половины страницы вообще не

учитывается, а более ее половины – считается за полную страницу; при закреплении правил участия во многих акциях, проводимых торговыми сетями, накопления и использования бонусных баллов для получения скидки при покупке определенных товаров; при составлении правил для настольных игр (например, правила подсчета очков, заработанных игроками)) и в быту (например, в целях оптимизации процесса сбора вещей в дорогу (на определенном этапе сбора) их перенесение в какое-то место иногда приравнивают к помещению в сумку; при желании помириться говорят: «Забудь все, что я тогда сказал» (признай существующий факт несуществующим) и т.д.

Следует отметить, что термина «фактические фикции» не существует в литературе и, в отличие от фактических презумпций, фикции, применяемые в иных сферах жизни, не выступают в качестве мотива закрепления правовой нормы или обоснования принятия решения правоприменителем.

Правовая фикция в составе правовой нормы применяется к конкретным правоотношениям только при наличии условий, указанных в правовой норме либо в соответствующем акте толкования, в которых она содержится (юридический аспект).

Правовая фикция является средством выражения государственной политики и устанавливается с целью охраны различных интересов (личности, общества и государства) (социально-политический аспект)

Таким образом, для раскрытия сущности правовой фикции, как и сущности правовой презумпции, необходим трехаспектный подход, охватывающий стадии формирования, реализации правовой фикции и получения результата ее реализации.

Итак, презумпции и фикции играют в праве очень важную роль, восполняя собой недостаток фактической информации по делу, оптимизируя правовое регулирование и охраняя различные интересы, имеют схожий механизм реализации, но отличаются друг от друга, главным образом, по признакам вероятности и отражения действительности, что позволяет разграничивать их между собой.

Литература

Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М, 2013.

Булаевский Б.А. Функции правовых презумпций // Журнал российского права. – 2011. – № 3. – С. 33 – 41.

Воложанин В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953.

Гражданский кодекс РФ: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 г. – N 32. – Ст. 3301.

Гражданский процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 159-170.

Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948.

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве. Пермь, 2002.

Левенталь Я.Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе // Советское государство и право. – 1949. – № 6. – С. 54-64.

Марохин Е.Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: Дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования: правовые презумпции и фикции: Дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004.

О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002. № 29 // Российская газета. – 2003. – № 29.

Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека: определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. N 459-О // Вестник Конституционного Суда. – 2004. – № 3.

Ойгензихт В.А. Понятие гражданско-правовых презумпций // Советское государство и право. – 1975. – № 10. – С. 25-33.

Семейный кодекс РФ: федеральный закон от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

Танимов О.В. Теория юридических фикций: монография /отв. ред. д.ю.н., проф. Т.В. Кашанина. М.: Проспект, 2016
Уголовный кодекс РФ: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 45-55.

Цуканов Н.Н. О критериях правовой презумпции // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: В 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1.

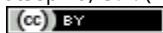
References

- Babaev, V.K. (1974). Presumptions in Soviet law. Gorky (in Russian).
- Bulaevsky, B.A. (2013). Presumptions as a means of legal protection of the interests of participants in civil legal relations: monograph. Moscow (in Russian).
- Bulaevsky, B.A. Functions of legal presumptions. Journal of Russian law. 2011. No. 3. 33 – 41 (in Russian).
- Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (Part One). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. N 32. Art. 3301 (in Russian).
- Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of November 14, 2002 No. 138-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532 (in Russian).
- Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398 (in Russian).
- Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 64-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954 (in Russian).
- Davydova, M.L. Legal presumptions in the system of means of legal technique. Legal technique 2010. No. 4. 159-170 (in Russian).
- Eugenzicht, V.A. The concept of civil law presumptions // Soviet state and law. 1975. No. 10. 25-33 (in Russian).
- Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995. No. 223-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16 (in Russian).
- Fedotov, A.V. The concept and classification of evidentiary presumptions. Journal of Russian law. 2001. No. 4. 45-55 (in Russian).
- Kaminskaya, V.I. (1948). The doctrine of legal presumptions in criminal proceedings. Moscow (in Russian).
- Kuznetsova, O.A. (2002). Presumptions in Russian civil law. Perm (in Russian).
- Levental, Ya.B. On the question of presumptions in the Soviet civil process. Soviet state and law. 1949. No. 6. 54-64 (in Russian).
- Marokhin, E.Yu. (2004). Legal fiction in modern russian legislation: Dis... cand. legal sciences. Stavropol (in Russian).
- Nikitashina, N.A. (2004). Legal assumptions in the mechanism of legal regulation: legal presumptions and fictions: Dis. ... cand. legal sciences. Abakan (in Russian).
- On judicial practice in cases of theft, looting and brigandage: ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002. No. 29. Russian newspaper. 2003. No. 29 (in Russian).
- On the refusal to accept for consideration the request of the Saratov Regional Court to verify the constitutionality of Article 8 of the Law of the Russian Federation "On transplantation of human organs and (or) tissues: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 4, 2003 N 459-O. Bulletin of the Constitutional Court. 2004. No. 3 (in Russian).
- Tanimov, O.V. (2016). Theory of legal fictions: monograph / managing ed. Doctor of Law, Prof. T.V. Kashanina. Moscow.: Prospekt (in Russian).
- Tsukanov, N.N. (2001). On the criteria for legal presumption. Legislative technique of modern Russia: state, problems, improvement: collection of articles: In 2 volumes / ed. V.M. Baranov. N. Novgorod, V. 1. (in Russian).
- Volozhanin, V.P. (1953). Legal Assumptions in Soviet Civil Law and Procedure: Abstract of the thesis. dis... cand. legal sciences. Sverdlovsk (in Russian).

Citation:

Зацепина О.Е. Презумпции и фикции как особые правовые феномены // Юрислингвистика. – 2021. – 22. – С. 48-52.

Zatsepina, O.E. (2021). Presumptions and Fictions as Special Legal Phenomena. Legal Linguistics, 22, 48-52.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 20.12.2021 г.

Дата публикации издания 25.12.2021 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2021